

ISSN 1727-0537

№ 3–4, 2025

ТОРАЙГЫРОВ УНИВЕРСИТЕТ
ҒЫЛЫМИ-КӨПШІЛІК ЖУРНАЛЫ

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
ТОРАЙГЫРОВ УНИВЕРСИТЕТ

ӘЛКЕТАНУ КРАЕВЕДЕНИЕ

2001 ЖЫЛЫ ҚҰРЫЛДАН
ОСНОВАН В 2001 Г.

ӨЛКЕТАНУ – КРАЕВЕДЕНИЕ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о постановке на переучет периодического печатного издания,
информационного агентства и сетевого издания
№ KZ73VPY00029270
выдано Министерством информации и общественного развития
Республики Казахстан
19 ноября 2020 года

Подписной индекс – 76130

<https://doi.org/10.48081/YRHT7512>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мерц В. К.,

к.и.н. (главный редактор)

Кабиденова Ж. Д.,

доктор PhD (заместитель главного редактора);

Рахимов М. И.,

магистр (ответственный секретарь);

Члены редакционной коллегии:

Аяган Б. Г., д.и.н., профессор;

Кабульдинов З. Е., д.и.н., профессор;

Абусеитова М. Х., д.и.н., профессор;

Таштемханова Р. М., д.и.н., профессор;

Пивовар Е. И., д.и.н., профессор (Россия);

Уильям Фиерман, доктор PhD (США);

Жусупова Л. К., д.и.н.;

Рахимов Е. К., доктор PhD;

Шокубаева З. Ж. (технический редактор).

За достоверность материалов и рекламы
ответственность несут авторы и рекламодатели.

Мнение авторов публикаций не всегда совпадает с мнением редакции.

Редакция оставляет за собой право на отклонение материалов.

Рукописи и дискеты не возвращаются.

При использовании материалов журнала ссылка на
«Өлкетану – Краеведение» обязательна.

МАЗМҰНЫ

ТАРИХИ ЗЕРТТЕУЛЕР

Асаинова К. Ж.

Политика памяти советского Казахстана.

Места памяти.....5

Асаинова К. Ж.

Музеи как место памяти: формирование и особенности презентации
исторической памяти (на примере павлодарского областного
историко-краеведческого музея им. Потанина).....9

Бейбарыс А. Н.

Историко-культурное наследие Чокана Валиханова:
историографический обзор.....13

Бейсенбі Т. А.

Қазақстандағы көші-қон үдерістерінің тарихи кезеңдері мен ерекшеліктері.....18

Бейсенбі Т. А.

Миграциялық саясаттың Қазақстан қоғамының әлеуметтік-экономикалық дамуына ықпалы.....23

Вагнер В. В.

Коллективизация через призму исторической науки.....29

Кубик Н. А.

Из истории Семипалатинского испытательного ядерного полигона. Региональный аспект.....34

Омар Ә. Қ.

Мерзімді басылымдар арқылы өткенді тану.....39

Садыков С. Ж., Айткенов З. Ш.

Правовая система казахского ханства.....44

Шакарова Ф. А.

Киноматограф как исторический источник о событиях за рубежом.....50

Шакарова Ф. А.

Кино как олицетворение советской повседневности.....60

Авторлар туралы ақпарат

Сведения об авторах

Information about the authors.....66

Авторларға арналған ережелер

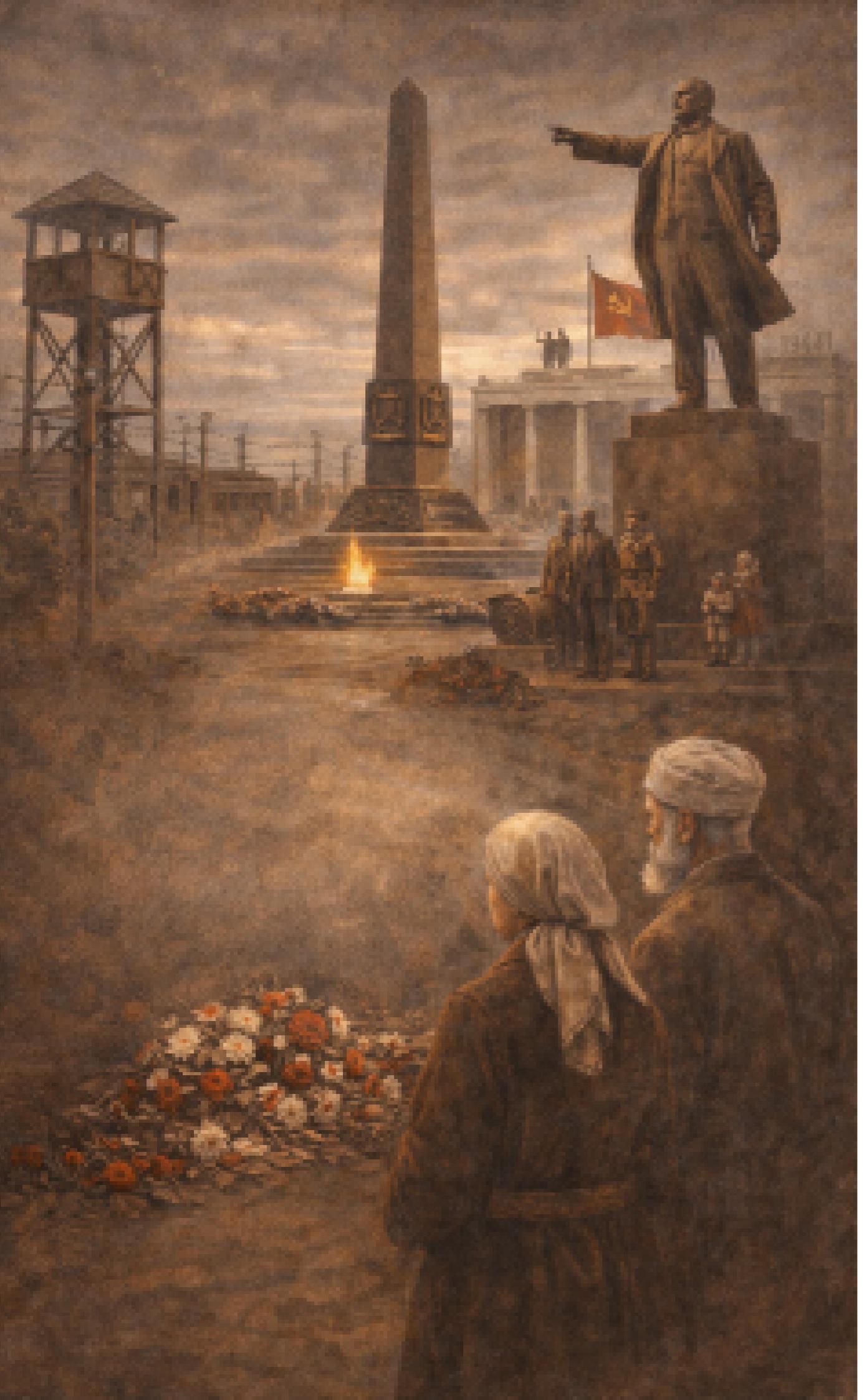
Правила для авторов

Rules for authors.....68

Жарияланым этикасы

Публикационная этика

Publication ethics.....73

К. Ж. Асайнова

Торайгыров университет, Республика Казахстан, г. Павлодар

e-mail: asainovacarina@yandex.kz**ПОЛИТИКА ПАМЯТИ СОВЕТСКОГО КАЗАХСТАНА.
МЕСТА ПАМЯТИ.**

В статье анализируется влияние советской политики на формирование мест памяти в Казахстане. Опираясь на концепцию Пьера Нора, автор показывает, как советская власть использовала памятники, мемориалы и архитектуру для закрепления идеологии и создания новой советской идентичности. Одновременно традиционные казахские места памяти и праздники, такие как Наурыз, подвергались забвению. Отдельное внимание уделено местам, связанным с репрессиями и ГУЛАГом, которые в постсоветский период стали символами национальной памяти. Советская модернизация сформировала двойственную систему – официальную и народную память.

Ключевые слова: память, места памяти, модернизация, коммеморация, политика памяти, советский период, коллективная память.

Согласно Пьеру Нору, места памяти – это символические элементы культуры, где сосредоточивается и сохраняется коллективная память. Они могут быть связаны с историей, идентичностью и культурой определённого сообщества. Местами памяти могут быть как материальные объекты (памятники, музеи, здания, пространства), так и нематериальные (праздники, традиции, обычаи). Это своего рода «хранилище» для коллективной памяти, особенно в условиях, когда естественная, живая передача памяти становится невозможной из-за изменений в обществе (модернизация, урбанизация, глобализация). Места памяти могут меняться со временем, в зависимости от того, как общество переосмысливает свою историю и культуру. Политикой памяти же называют процесс, в рамках которого места памяти формируются, переосмыляются или используются для достижения социальных, политических или культурных целей. Места памяти служат «строительным материалом» для политики памяти. Они становятся пространствами, где формируются и воспроизводятся культурные и исторические смыслы [1, с.125].

Советский период в истории Казахстана и преобразования идущие вместе в нем оказали глубокое воздействие на политику памяти, как с точки зрения создания новых символических объектов – мест памяти, так и в контексте стирания или изменения восприятия старых мест. Политика памяти в Казахстане была частью общей государственной политики СССР, направленной на создание единой советской идентичности, укрепления идеологического единства и лояльности к власти. Этот процесс повлиял на множество аспектов общественной памяти, включая памятники, мемориалы, символические места и даже образы истории.

Советская власть активно использовала места памяти для распространения идеологии и укрепления своей легитимности. В Казахстане это проявлялось в массовом строительстве памятников и мемориалов, посвящённых ключевым событиям Октябрьской революции, гражданской войне, победе в Великой Отечественной войне, а также фигурам советской власти. В каждом крупном советском городе были возведены памятники в честь Ленина, а площади и улицы носили имя идеологов

социализма – Карла Маркса, Фридриха Энгельса, советских деятелей как Калинин, С. Киров, Орджоникидзе, И.Сталин. Улицы, названные в честь последнего, правда, начали переименовывать еще в хрущевский период, после разоблачения культа личности. Использовались и имена локальных коммунистов как А. Розыбакиева и Н. Нурмакова [2, с.430]. Эти памятники стали символами новой власти и ее победы .Советская модернизация также оставила заметный след в архитектурной ткани городов Казахстана. Множество зданий и монументов были возведены в стиле соцреализма, который отражал и укреплял социалистическую идеологию. Эти объекты стали частью коллективной памяти и символизировали достижения социализма.

Рисунок 1 – Алма-Ата Памятник В. И. Ленину Фото Б. Подгорный

Мемориальные комплексы, такие как монумент Победы в Алматы, были не только данью уважения советским солдатам, но и средством популяризации советской победы, укрепляя нацию в духе советского патриотизма и колlettivizma. Советская политика памяти также привела к изменению восприятия истории. В рамках официальной советской идеологии создавалась упрощённая и часто искажённая версия событий. Места памяти, такие как памятники и мемориалы, нередко подвергались идеологической цензуре. Например, события казахской истории, такие как восстания 1916 года, были либо

игнорированы, либо переосмыслены через призму «классовой борьбы», а роль казахской интеллигенции и духовенства часто умалчивалась.

Советская модернизация также оставила глубокие следы в виде мест памяти, связанных с трагедиями, такими как репрессии 1930-х годов, голод 1932–1933 годов и системы трудовых лагерей ГУЛАГа. Советская власть использовала эти места как часть своей жесткой политики управления населением, но при этом многие из этих мест стали символами страданий народа. В Казахстане был создан целый ряд лагерей ГУЛАГа, таких как Алжир (Акмолинский лагерь жён изменников Родины), где содержались семьи репрессированных, а также лагеря для политзаключённых и ссыльных. Эти места позже стали объектами памяти, хотя в советское время их существование замалчивалось. В послевоенные годы вопрос о репрессиях был частично затронут в официальной пропаганде, но более широкий и осознанный подход к этим трагическим событиям был возможен только в постсоветский период.

Места памяти, которые не соответствовали советской идеологии или не вписывались в «новую» историю, часто подвергались забвению. Это касается родовых мест, мазаров, упоминаний фигур, праздников, которые не вписывались в советскую мифологию [3]. В пример можно привести праздник Наурыз. Первые годы после установления советской власти праздник отмечался, однако после праздника считали религиозным и перестали его праздновать на государственном уровне. И, хотя официального запрета не было, большевики контролировали чтобы с празднованием не «перегибали». Таким образом, Наурыз более 60 лет праздновался дома, местами подпольно, пока в 1988, во время перестройки его не отпраздновали на официальном уровне [4]. Инициатором мероприятия стал Мухтар Шаханов. Этот процесс был частью более широкой попытки советской власти контролировать историческую память и исключать из неё элементы, которые могли бы угрожать идеологическому единству. На данный момент по местам памяти рожденным в советский период, проносится волна осмысливания, их перепозиционирование как части исторического наследия, которое

заслуживает внимания, но с учётом критической рефлексии и переосмысливания прошлого [5].

Таким образом, советская модернизация в Казахстане оказала двоякое влияние на места памяти. С одной стороны, она создала многочисленные памятники и мемориалы, посвящённые революционным и идеологическим

достижениям советской власти, с другой – привела к забвению или трансформации традиционных, национальных и локальных памятных мест. Местами памяти становились не только символы советской власти, но и места страданий, репрессий и насилия, которые в советское время были замалчиваемы или трактовались с точки зрения государственной идеологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 **Нора, П.** Проблематика мест памяти // Франция – память / П. Нора, М. Озена, В. Сюга. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та. – 1999. – С. 333.
- 2 **Галиев, А. А.** Отражение советской истории в политике памяти современного Казахстана// Мир большого Алтая, 2016, 430–438 с.
- 3 **Медеуова, К. А.** Затянувшаяся «советскость» и трансформации коллективной памяти: Советские и постсоветские мемориальные комплексы в Казахстане / Медеуова К. А. // Новое литературное обозрение. – 2020. – № 1.
- 4 [Электронный ресурс]. – URL: <https://masa.media/ru/site/kto-ukral-nauryz> (дата посещения: 9.10.2025).
- 5 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-mest-pamyati-piera-nora-kak-sposob-istoricheskoy-rekonstruktsii> (дата обращения: 10.11.2025)

К. Ж. Асайнова

Торайгыров университет, Республика Казахстан, г. Павлодар

e-mail: asainovacarina@yandex.kz**МУЗЕИ КАК МЕСТО ПАМЯТИ: ФОРМИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (на примере Павлодарского областного историко-краеведческого музея имени Потанина)**

Настоящая статья анализирует Павлодарский областной историко-краеведческий музей имени Г.Н. Потанина как ключевое «место памяти» (*lieux de mémoire*) в контексте концепции Пьера Нора. Исследуется, как исторический генезис музея, его экспозиционная структура и основные нарративы участвуют в формировании коллективной исторической памяти Павлодарского Прииртышья. Особое внимание уделяется полифоничности репрезентации, балансирующей между национальным казахским нарративом и локальной мультикультурной историей, что обеспечивает музею стратегическую роль в конструировании региональной идентичности в современном Казахстане.

Ключевые слова: места памяти, Пьер Нора, историческая память, Павлодар, музей, Г.Н. Потанин, репрезентация, коллективная идентичность.

Музеи играют ключевую роль в процессе формирования и трансляции коллективной исторической памяти. В современном Казахстане, переживающем этап национального самоопределения и переосмысливания истории, музеи становятся не просто хранилищами артефактов, но и мощными институтами, определяющими доминирующие исторические нарративы. Применение концепции Пьера Нора о «местах памяти» (*lieux de mémoire*) позволяет рассматривать Павлодарский областной историко-краеведческий музей имени Г. Н. Потанина не просто как собрание экспонатов, а как символическое место, куда закрепляется, кристаллизуется и хранится память региона. Нора в своей работе «Проблематика мест памяти» отмечает, что «места памяти» возникают в момент, когда исчезает «среда-память» (традиционное, живое прошлое), и на смену ей приходит «история» — прошлое, требующее сознательного сохранения. Потребность в местах памяти — материальных, нематериальных или функциональных объектах — становится острой в посттрадиционных обществах, где

память находится под угрозой забвения [1, с. 17]. Музей имени Потанина полностью соответствует этой концепции, являясь главным очагом памяти Павлодарского Прииртышья. Он выступает как:

Материальное место памяти: Здание в котором располагается музей является историческим памятником архитектуры конца XIX века.

Институциональное место памяти: Сам институт музея, который ведает отбором, сохранением и интерпретацией артефактов.

Функциональное место памяти: Нарративы и экспозиции, которые создают и транслируют коллективную историческую память региона.

Формирование музеиного дела в Павлодарском Прииртышье тесно связано с развитием краеведения и просветительской деятельности, став своеобразным ответом на «забвение» и амнезию, которые, по Нора, делают «места памяти» необходимыми. Музей был основан в 1942 году на базе коллекций известного фотографа-краеведа Дмитрия Поликарповича Багаева, чье собрание

стало первым материальным якорем, фиксирующим образы уходящего дореволюционного и раннего советского Павлодара. Присвоение имени Григория Николаевича Потанина в 1959 году не было случайным актом. Потанин (1835–1920 гг.) — выдающийся путешественник и исследователь Центральной Азии. Присвоение его имени символически связало локальную историю Павлодара с широким контекстом изучения казахских степей и Сибири, придавая месту памяти просветительский и общенациональный вес. Это включение региональной истории в более крупный географический и научный контекст является ключевым элементом формирования полноценной исторической памяти. Само историческое здание или лучше сказать здания, это бывший торговый дом купца А. Дерова объединённый с домом купца Филатова, бывшей почтово-телеграфной конторы (ул. Астана, 149 и 147). В первой части находится основная композиция музея, тогда как в доме Филатова администрация и внутренние отделы [2, с. 95]. Все это представляет собой слойную структуру, в которой новые элементы наслаждаются на старые, сохраняя следы предыдущих, тем самым идеально вливается в музейный нарратив, делая историю менее абстрактной, привязанной к материальному прошлому города. Музей имеет 6 филиалов.

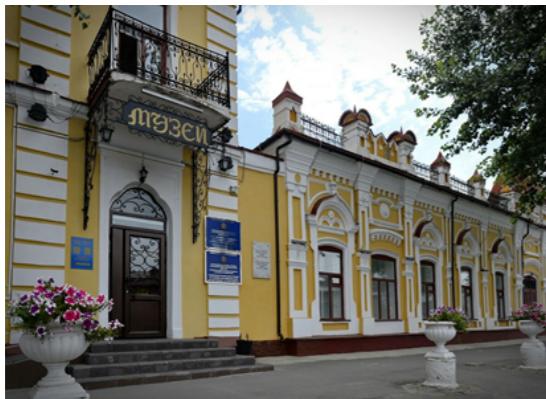

Рисунок 1 – Павлодарский областной историко-краеведческий музей имени Г. Н. Потанина

Музей выступает не просто хранителем предметов, но активным участником конструирования исторической памяти: он задаёт рамку, внутри которой

посетитель интерпретирует историю Павлодарской области и Казахстана в целом. Экспозиционная структура музея охватывает более 10 залов и представляет собой сложную систему нарративов. Значительная часть экспозиции посвящена этнографическому наследию казахского народа — предметам быта, традиционным ремёслам, кочевой культуре [3]. Такая презентация не только фиксирует многообразие материальной культуры, но и подчеркивает преемственность исторического опыта, символически связывая современного посетителя с традициями предков. Визуальные решения — использование юрты, реконструкций обрядов — усиливают эффект погружения и формируют эмоциональную связь с прошлым, что является важным механизмом трансляции коллективной идентичности [4].

Одновременно в экспозиции заметен пласт, связанный с эпохой Российской империи (инсталляция купеческий быт) и советским периодом (зал новейшей истории), где история региона представлена через деятельность исследователей, переселенцев, промышленников, развитие городского пространства. Это создает многокультурное и многовекторное историческое поле, акценты зачастую смешены в сторону позитивных аспектов модернизации, освоения края и научных достижений. Подобная презентация формирует представление о региональном прошлом как о последовательном движении к прогрессу, минимизируя потенциально конфликтные сюжеты, связанные с колониальными практиками, ассимиляционными процессами или травматическими страницами истории. Тем не менее экспозиция стремится включать элементы, связанные с возрождением национальной памяти, что соответствует современной государственной политике деколонизации культурного пространства. Раздел новейшей истории демонстрирует двойственную память, балансируя между героизацией вклада павлодарцев и фиксацией трагических страниц (репрессий). В частности, подчёркивается роль местных лидеров, духовных центров, традиционных форм самоорганизации и устойчивости культурных кодов [5].

Таким образом, музей Потанина выступает важным агентом формирования

исторической памяти, сочетая в своей экспозиции элементы этнографической подлинности, имперско-советского наследия и современных подходов к осмысливанию прошлого. Особенности презентации памяти в музее им. Г.Н. Потанина обусловлены его региональным статусом и общенациональной повесткой. Он не только репрезентирует историю как набор фактов, но и предлагает посетителю определённую интерпретацию, где

традиции казахского народа и локальная идентичность становятся ключевыми маркерами понимания многослойной истории Прииртышья. В этом смысле экспозиция функционирует как пространство диалога между прошлым и настоящим, отражая как устойчивые, так и трансформирующиеся представления о культурном и историческом наследии Павлодарской области.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 **Нора, П.** Проблематика мест памяти Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999, С. 17–50.
- 2 **Камалова, Г. М.** Дом Филатова / Г. М. Камалова, С. П. Пенькова // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстана. Павлодарская область. – Алматы, 2010. – С. 95 – 96.
- 3 [Электронный ресурс]. – URL: <https://pavlkraimuz.kz/ru/ekspositsii/zal-istorii-goroda.html> (дата обращения: 29.11.2025).
- 4 **Тартаковская, И., Тарновская, Е.** «Одной правды нет»: визуализация политики памяти в историческом музее // INTER. 2014. № 8. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/odnoy-pravdy-net-vizualizatsiya-politiki-pamyati-v-istoricheskem-muzee> (дата обращения: 02.12.2025).
- 5 **Грусман, В.** Музей как институт формирования исторической памяти // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. 2007. № 35. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzey-kak-institut-formirovaniya-istoricheskoy-pamyati> (дата обращения: 01.12.2025).

А. Н. Бейбарыс

Торайгыров университет, Республика Казахстан, г. Павлодар

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЧОКАНА
ВАЛИХАНОВА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

Данная статья посвящена комплексному историографическому анализу научных исследований, сфокусированных на историко-культурном наследии Чокана Чингисовича Валиханова (1835–1865) – выдающегося казахского учёного, путешественника, историка, этнографа и просветителя. Целью работы выступает систематизация и критическая оценка эволюции научных подходов к осмыслиению его многогранного вклада в контексте смены исторических эпох и интеллектуальных парадигм. В исследовании последовательно прослеживается процесс формирования образа Валиханова как объекта научного изучения, характеризуются ключевые тенденции и фундаментальные труды дореволюционного периода, а также раскрывается современное понимание универсальной значимости его наследия для исторической науки, культурологии и развития национального самосознания. Проведённый историографический обзор позволяет установить преемственность и дискуссионные аспекты в изучении наследия, а также определить наиболее перспективные векторы для последующих междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: Чокан Валиханов, историография, историко-культурное наследие, казахская интеллектуальная традиция, дореволюционное востоковедение, просветительство, национальное самосознание.

Феномен Чокана Валиханова конституирует уникальную узловую позицию в континууме интеллектуальной истории Казахстана и в рамках российской востоковедной парадигмы XIX столетия. Его научно-творческое наследие, сформированное в экстремально сжатом хронологическом интервале, представляет собой синкетический конгломерат глубокого эмпирического знания о традиционной казахской и центральноазиатской культурах, инкорпорированный в методологические принципы европейской науки эпохи модерна. Многоаспектность его персоны – от офицера Генерального штаба и дипломата до этнографа, историка, фольклориста и художника – детерминировала комплексность и многомерность его последующей научной рефлексии. Историография,

посвященная Валиханову, трансцендирует сумму конкретных исследований, выступая в качестве репрезентативного поля, в котором отражена динамика социокультурных и идеологических контекстов различных эпох: от имперского периода через советский к современному суверенному Казахстану. Целью данного историографического обзора является экспликация ключевых этапов, парадигм и дискурсов в изучении наследия Валиханова, анализ смены акцентов и интерпретационных моделей его деятельности, а также оценка кумулятивного вклада ведущих исследователей в формирование холистического образа учёного-просветителя.

Фигура Чокана Валиханова конституировалась в качестве объекта научного анализа непосредственно после его кончины. Однако репрезентация

его образа в исторической памяти и специализированной литературе претерпела значительную эволюцию, адаптируясь к доминирующему социокультурным и идеологическим парадигмам эпохи. В кругах его современников – российских учёных, географов и востоковедов, включая П.П. Семёнова-Тян-Шанского, Н.И. Веселовского и Г.Н. Потанина, – Валиханов был признан как выдающийся «западник» и эффективный культурный медиатор, а также «первый казахский интеллигент». Его научные труды расценивались как фундаментальный источник для европейской центральноазиатской науки. В этот период его роль интерпретировалась в контексте колониальных процессов, но при этом акцентировалась его исключительная одарённость и научный императив.

В советский историографический дискурс, особенно с конца 1930-х – 1940-х годов, в рамках идеологии «дружбы народов» и поиска «прогрессивного наследия», образ Валиханова подвергся значительной идеологической канонизации. Он был переосмыслен преимущественно как революционный демократ, критик колониальной политики и феодального строя, а также как подвижник просвещения своего этноса. В ряде исследований (А.Х. Маргулана, С. Муканова, Н. Ильминского) наблюдалась тенденция к анахронистической проекции более поздних политических конструктов на его мировоззрение. Эта доминирующая нарративная схема в советской науке, хотя и закрепила его значимость, во многом схематизировала его многогранный образ [1, с. 57].

Постсоветский период, ознаменованный суверенизацией Республики Казахстан, инициировал новый этап научной рефлексии. Образ Валиханова был подвергнут комплексному переосмыслению в контексте национального возрождения и поиска истоков казахстанской государственности и интеллектуальной традиции. Его роль расширилась до ключевой фигуры в формировании национального самосознания и мыслителя, заложившего основы

современной казахстанской идентичности, характеризующейся синтезом тюрко-мусульманских корней и открытостью к глобальному диалогу. Основной исследовательский фокус сместился на системное изучение его философского, историософского и geopolитического наследия, а также его статуса первого казахского профессионального учёного-энциклопедиста [2, с. 72].

Историография наследия Ч.Ч. Валиханова дореволюционного периода, несмотря на свою ограниченность, сформировала первичный исследовательский базис и отличалась высоким уровнем источниковедческой проработки. Данный историографический этап структурируется двумя ключевыми направлениями.

Первое и наиболее существенное направление представлено работами непосредственных соратников, коллег и почитателей Валиханова из среды российской академической и военной элиты. Центральной фигурой здесь выступает профессор Н.И. Веселовский, осуществивший масштабную работу по систематизации, редакционной подготовке и изданию собрания сочинений Валиханова в 1904 году. Его вступительная статья и комментарии к изданию служат первым научно-биографическим очерком, основанным на архивных материалах и мемуарных источниках. Веселовский представил объективную характеристику Валиханова как ученого, детально осветив факты его жизни и экспедиционной деятельности, однако сознательно избегал глубокого анализа социально-политического контекста его научной работы. Труды видных современников, таких как П.П. Семёнов-Тян-Шанский и Г.Н. Потанин, содержат ценные мемуарные свидетельства и оценки, акцентирующие его вклад в русские географические исследования [3, с. 42].

Второе направление включает немногочисленные, но значимые публикации в периодических изданиях Российской империи («Записки ИРГО», «Киргизская степная газета» и др.), содержащие либо перепечатки отдельных работ Валиханова, либо некрологические материалы и краткие

биографические очерки. На данном этапе характерно восприятие Валиханова как исключительного, почти феноменального явления – «просвещенного киргиза», чей успех интерпретировался как индикатор эффективности цивилизаторской политики России в степном регионе. Критический анализ его взглядов на колониальную политику, имперские реформы и перспективы развития казахского общества в этот период, как правило, находился вне рамок академического дискурса [4, с. 88].

Современная интерпретация историко-культурной значимости наследия Шокана Уалиханова характеризуется комплексным, междисциплинарным подходом и выходит за пределы сугубо академических интересов.

В научно-познавательном плане его труды сохраняют непреходящую источниковедческую ценность. Записки о путешествии в Кашгарию, исследования по истории, этнографии, правовым обычаям казахов, а также записи эпоса «Манас» выступают в качестве базовых первоисточников для историков, этнологов, фольклористов и культурологов, исследующих Центральную Азию XIX века. Методология Уалиханова, включавшая синтез включённого наблюдения, критического анализа источников и стремления к теоретическим обобщениям, соответствовала передовым научным стандартам своего времени.

В социально-политическом контексте наследие Уалиханова является ключевым элементом для осмысливания сложных процессов модернизации казахского общества в условиях колониальной эпохи. Его анализ путей развития Степи, критика патриархально-родовых пережитков, аргументация в пользу перехода к седлости, земледелию и просвещению формируют первую системно разработанную программу реформ, сформулированную представителем казахской элиты. Он стоял у истоков казахского просветительства, оказав прямое влияние на последующие поколения национальной интеллигенции (А. Кунанбаев, И. Алтынсарин).

В культурно-цивилизационном измерении личность и творчество Уалиханова символизируют собой диалог

культур. Он функционирует как «культурный медиатор», деятельность которого была направлена на взаимопознание и преодоление стереотипов междуnomadicским миром Великой Степи и оседло-городской цивилизацией России и Европы. Его наследие служит мощным консолидирующим фактором, демонстрирующим органичную интеграцию казахской культуры в мировое интеллектуальное пространство без утраты этнокультурной самобытности.

Наконец, ваксиологическом отношении фигура Уалиханова представляет собой этический и интеллектуальный референт. Его бескорыстное служение научному знанию, патриотизм, критическое мышление и гуманистические идеалы составляют неотъемлемый компонент духовно-ценностного фундамента современного Казахстана [5, с. 65].

Историографический анализ наследия Чокана Валиханова демонстрирует сложную траекторию его рецепции: от разрозненных упоминаний в текстах современников до конституирования его в качестве целостного, многоаспектного и значимого объекта научно-исследовательского и общественного дискурса.

Дореволюционная историографическая традиция выполнила ключевую функцию ввода его трудов в научный оборот и сформировала основы биографического канона, однако её интерпретационный горизонт оставался преимущественно в рамках имперского нарратива. Советский период, несмотря на детерминированность идеологическими установками, способствовал масштабной популяризации имени учёного и консолидации исследовательских усилий, кульминацией которых стало создание фундаментального многотомного собрания сочинений под редакцией А.Х. Маргулана. Современный этап исследований характеризуется методологическим отходом от редукционистских схем, стремлением к деидеологизации и комплексному, критическому осмыслению его взглядов в их имманентной противоречивости и глубине. Наследие Валиханова в настоящее время признаётся интегральной составляющей не только казахстанской, но также общероссийской

и мировой исторической науки и культуры. Перспективы дальнейших изысканий предполагают углублённый текстологический и источниковедческий анализ его рукописного фонда, компаративное изучение его наследия в контексте евразийского просветительства, ориентализма и постколониальных исследований, а также осмысление его концепций в

свете актуальных вызовов, связанных с проблематикой межкультурного диалога, модернизационных процессов и национальной идентичности. Следовательно, историко-культурное наследие Чокана Валиханова сохраняет статус динамичного и эволюционирующего поля для научной рефлексии, продолжая обеспечивать преемственность

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 **Валиханов, Ч. Ч.** Избранные произведения [Текст]. – Алматы: Жазушы, 1985. 645 с.
- 2 **Валиханов, Ч. Ч.** Собрание сочинений в 5 т [Текст]. – Алматы: Ғылым, 1984–1986. 432 с.
- 3 **Маргулан, А. Х.** Шокан и Манас [Текст]. – Алматы: Наука, 1971.
- 4 **Маргулан, А. Х.** Чокан Валиханов как историк [Текст]. – Алматы: Ғылым, 1964.
- 5 **Потанин, Г. Н.** Очерки Северо-Западной Монголии [Текст]. – СПб., 1883. 389 с.

Т. А. Бейсенбі

Торайғыров университет, Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.
e-mail: tbeisenbi@gmail.com

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КӨШІ-ҚОН ҮДЕРІСТЕРІНІҢ ТАРИХИ КЕЗЕҢДЕРІ МЕН ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Мақалада Қазақстан аумақындағы көші-қон үдерістерінің тарихи кезеңдері мен негізгі ерекшеліктері жан-жақты талданады. Зерттеу XVIII ғасырдың ортасынан бастап қазіргі кезеңге дейінгі аралықты қамти отырып, көші-қонның отаршылдық саясат, кеңестік әлеуметтік-экономикалық науқандар, соғыс, репрессия, ұжымдастыру, тың игеру және тәуелсіздік жағдайлардағы демографиялық өзгерістмен тығыз байланысын көрсетеді. Автор көші-қон үдерістерін үш ірі тарихи кезеңге бөліп қарастырады және ар кезеңнің Қазақстан халқының этникалық құрамы мен сандық динамикасына тигізген ықпалын нақты деректер негізінде ашады. Сонымен қатар тәуелсіздік жылдарындағы этникалық қазақтардың тарихи отанына оралуы көші-қон үдерістерінің жаңа бағыты ретінде бағаланады. Зерттеу нәтижелері Қазақстан тарихындағы көші-қонның елдің саяси, әлеуметтік және демографиялық дамуына әсер еткен маңызды фактор екендігін дәлелдейді.

Кілтті сөздер: көші-қон үдерістері, тарихи демография, Қазақстан тарихы, отаршылдық саясат, кеңестік кезең, этникалық құрам, демографиялық өзгерістер, тәуелсіздік, оралмандар.

Қазақстандағы көші-қон үдерістерін зерттеу еліміз егемендік алғаннан кейін жан-жақты қарастырыла бастады. Көші-қон туралы көзқарас, пікірлер әр ғылым саласы бойынша қарастырылғанымен де, тарихи демографиядағы зерттелуінің орны өзгеше. Қазақстан егемендік алғаннан кейінгі басты мәселелердің бірі – халық саны, оның өсу динамикасы, халықтар құрамы, ішкі және сыртқы миграцияның мемлекет дамуындағы орны туралы нақты зерттеулер менталдаулар қажет болды. Бұл мемлекеттің саяси, экономикалық, әлеуметтік, мәдени т.б. дамуы үшін аса маңызды факторлардың бірі екені анық. Сондықтан да ғұл тақырып туралы зерттеулер алдыңғы кезеңдердегі осы мәселеге талдау жасаған ғалымдар еңбектеріндегі нақты зерттеудар болады. Қазақжеріндегі көші-қон мәселесі туралы талдаулар М. Тынышпаевтың [1, 137-145 с.с.], [2, 169 с.], Т. Шонанұлы [3, 5-6.], С. Асфендияров [4, 207 с.] еңбектерінде зерттелді. Қазақ елінің XX ғасыр

басындағы қайраткерлері Т. Рысқұлов [5, 206 с.], С. Сәдуақасов [6, 245-6.] үлттық мұдде, халықтың қажеттілік түрғысынан қарастырылды. Кейіннен Кеңес әкіметі кезінде А. Н. Донич, Н. Д. Трублаевич [7] қазақ жеріндегі халықта демографиялық шолу, халықтың табиғи өсімі мен құрамы және оның өзгерістері туралы зерттеу жасады. Қазақстан тарихында көші-қон мәселесін зерттеу 1960-жылдардан бастап қолға алына бастады. 1930-жылдардан бастап репрессия, Ұлы Отан соғысы, одан кейінгі жылдар халықтар қозғалысы туралы зерттеулер жасауға аса қолайлы болмады. Көші-қон мәселесін зерттеу 1960 жылдары жұмысшы, шаруа, интеллегенцияның халық құрамындағы үлесі, қалыптасуы, даму үрдістері түрғысынан А. Н. Нұсіпбеков, М. Х. Асылбеков, С. Б. Нұрмұхаммедов, Б. Н. Эбішева, А. Б. Балақаев, Ш. Ю. Тастанов т.б. еңбектері шықты.

Қазақстандағы көші-қон үдерістерінің тарихи кезеңін 3 топқа бөліп қарастырады.

1-кезең. XVIII ғасыр ортасынан 1917 жылға дейінгі аралық. Қазақ жерінің Ресей империясының отары болып, ішкі Ресейден қазақ жеріне қоныстанушылардың бағытталған кезеңі. Аталған кезеңнің ең ауыр жылдары 1861 жылғы басыбайлылық құқықты жоюдан кейінгі орыс шаруаларының жаппай қазақ жеріне қоныстануымен ерекшеленеді. Қазақ жеріне қоныс аударған шаруалар саны - 1, 5 миллионға жуық болған екен. Осы кезеңдегі үдерістерді зерттеуде халық құрамының өзгеріс себептерін де аша түседі. Қазақстандағы көші-қон үдерістерін кеңінен зерттеуші М. Х. Асылбеков аталған кезеңді әлдекайда кең зерттеуде Алексеенко мен Н. Е. Бекмахановың еңбектерін жоғары бағалайды. XVIII ғасырдан бастап Кеңес әкіметі құрылғанға дейінгі 1917 жыл аралығын қарастыруда статистикалық есеп, оның құрылуы туралы талдаулар тек Ресей империясының мәліметтерінен ғана емес, сонымен бірге қазақ өлкесінің де деректерімен бірге алынатындығы деңгейін көтере түседі деп бағалайды [7, 25-26-с.с.].

1-кезеңде қазақ жеріне сырттан келген қоныстанушылар көп болды:

- Отаршылдықтың басты кесапаты жергілікті халықтың жерінің сырттан келушілер жерінен 15 есе аз екендігін зерттеушілер жазады [8, 12-6];

- жергілікті халықтың әлеуметтік-экономикалық жағдайы нашарлады;

- жайылым жерлер азайды

- Ал сыртқа кеткендер көп болған жоқ. Тек 1916 жылғы патша жарлығына қарсы шығып, үлт-азаттық қөтеріліске қатысып, құғын көрген қазақ рулатының Қытайға өткені ғана сыртқы көші-қонға дерек бола алады.

2-кезең. 1917-1991 жылдар арасы. Кеңес әкіметі кезінде көші-қон үдерістерінің өзі алтыға бөлінеді:

1) 1917-1926 жылдар.

2) 1926-1939 жылдар.

3) 1939-1945 жылдар.

4) 1946-1959 жылдар.

5) 1959-1970 жылдар.

6) 1970-1991 жылдар.

Кеңестік кезеңнің бірнеше ерекшеліктері болды. Бұл алдыңғы кезеңдегі Ресей империясының саясатының Кеңес әкіметі кезінде жалғасқандығын көрсетті:

- қазақ жері көпұлтты республикаға айналды.

- 1926 жылғы санақ бойынша орыстар мен укораиндар саны қазақтар санынан көп болған;

Бұл кезеңдегі демографиядағы оң сипаттар деп қазақ қызыдағы 16 жасқа дейінгі тұрмыс құруының азауы мен оларды қарттарға ұзатудың болмағандығын, сонымен бірге 20-30 жастағылардың некеге тұруының белең ала бастағандығын жазады [7, 72-73-с.с.].

Қазақстандағы көші-қон деректері 1928 жылы халық санының - 6 миллион 507 адамды құраса, соның ішінде - 51, 1 % қазақтар, 19, 7 орыстар, 13, 3% украиндар, 10 % басқа ұлттар болыпты [8, 14-6]. Аталған кезеңде халықтың табиғи өсімі қазақтар - 20, 6 промиль, үйір, дүнген, өзбектер - 22, 3 промиль, орыстар - 30, 6 промиль болды деп береді.

Н. Ф. Базанова көші-қон үдерістерін кеңес әкіметі саясатының бір құрамасын енгізі деп қарастырады. 1929 жылы Қазақ АКСР қоныс аудару басқармасы құрылады. 1920 жылдан 1929 жылға дейін қоныстанушылар саны - 26,4 % -ға өсken [9]. Кеңестік кезеңде Қазақстандағы көші-қонға ұжымдастыру (халық саны 3 миллион 379, 5 мың адамға азайған), аштық (1930 жылғы есеп бойынша 4 миллион 170 мың адамның жартысы қырылған), байларды тәркілеу (1932 жылғы деректер бойынша жергілікті халықтың 64% кеміген. Халық Қытай, Ресей, Монголия, Иран жерлеріне қоныс аударған), репрессия әсер етті. Америкалық ғалым Р. Конквест 1926 жылы 3963300, 1939 жылғы санақ бойынша 3100900 қазақ болды. Сонда халықтың табиғи өсімін ескерсек, ашаршылықтан, түрлі құғын - сүргіннен қазақтар 1,5 миллион адамдарын жоғалтқан. 1930 жылы халық саны 4 миллион шамасында болды десек және дүниеге келмеген нәрестелерді, Қытайға ауғандарды есептен шығарып тастағаның өзінде аштықтан өлгендердің саны 1 миллионнан кем түспейді» деп жазыпты [8, 14-6]. Кеңес әкіметі кезінде 1930-1931 жылдары Еділ жағалауынан, Нижногород ауданына, Кавказдан - 50929 отбасы қоныс аударыпты. Аграрлық, өндірістік, құғын-сүргін, ашаршылық, көші-қон үдерістеріне басты әсер етуші факторлар болды. Қазақстанға қоныс аударылған халықтар 1941-1943 жылдары жалғасқан. Осы жылдары 484. 149 адам келген екен. Бұл кезеңдерден келгендердің қай жерден әкелінгендері жазылған.

Мысалы, 1943 жылы Талдықорған облысына 6212 отбасы, 23.853 адам келіпті. Олардың 8210 еңбекке жарамдылар тобынан болған.

1943 жылы Кеңестер Обдағының өзге өлкелеріндегі ұлттар Қазақстанға қоныстандырылды.

Шешен-Ингуш, Кабардин-Балқар республикалары таратылды. Олардың халқы қазақ жеріне мәжбүрлі түрде қуғындалды. Солардың ішінде қарашайлар – 45.500 адам, шешен-ингуштар – 406.375 адам, балқарлар – 21.150 адам, қалмақтар – 2268 адам, Қырым татарлары – 27.657 адам, сонда жиыны – 507.480 адам келген еken. Бұлар Қазақстанның 151 ауданына, 16 қаласына жіберілген.

Қалмақтар шығыс облыстарға, қалғандары солтүстік аудандарға, қарашайлар Жамбыл, Шымкент облыстарына, шешен-ингуштар Орал мен Қызылорда облыстарына қоныстандырылған. Бұл қоныстанушылар 1946 жылғы есеп бойынша 20.787 адамға азайған.

Қазақстанның демографиялық құрамына бұған дейінгі орыс, украин, татар, башқұрт халықтарының қатарына шешен-ингуш., қарашай, Қырым татарлар, Қалмақтар, балқарлар, көрістер қосылды. Ұлы Отан соғысы кезінде Еділ бойындағы немістер, түрік, поляктар қоныстандырылды. Кеңес өкіметі құрылған кезден бастап, 1940 жыне Ұлы Отан соғысы кезінде тек қана халықтар, өзге ұлттар ғана емес, сонымен бірге өнеркәсіптер де көшіріле бастады. 1940 жылы солтүстік пен шығысқа 25.000 шаруашылық көшірілген. Өнеркәсіп орындарымен бірге солтүстік облыстарға Украина, Белоруссия, Рязань, Воронеж, Татарстан, Чувашия, Молдавиядан халық бірге келген. КСРО-ның 32 географиялық мекендерінен 161. 232 адам көшірілді.

Соғыстан кейінгі кезеңдерде де Қазақстанға мәжбүрлі түрде қоныстандыру саясаты жүргізілді. 1946 жылдардан кейін де жергілікті халық саны азая берді. Сырттан келушілер қатары көбейді. Зерттеуші А. И. Құдайбергенованаң мәліметтері бойынша, 1946 жылдың 1 қаңтары бойынша Қазақстанда қоныстанушылар қатарында 412. 191 адам тіркелген еken [10, 10-6]. Соғыстан кейін тек 40.000 поляк Польшаға қайтарылған. Ал басқа Кеңестер Одағындағы ұлттар қазақ жерінде қалған.

Кеңес өкіметі кезіндегі көші-қон үдерісінің келесі бір аса күрделі кезеңі – тың және тыңайған жерлерді игерумен

байланысты. 1954 жылы наурызда Қазақстанға Украина, Белоруссия және басқа да одақтас республикалардан 14.200 комсомол мүшесі келіпти. Бұлардың құрамында негізінен комбайншы, жүргізуши, тракторшы, агроном, механик, слесарь, токарь сияқты мамандық иелерін әкелу мақсаты көзделді деп көрсетілген [11, 23 с.].

Тың игеру кезінде Кеңес өкіметінің әр жерінен еріктілердің келуіне жол берілді. Бұған дейін арнайы жолдамаммен, болмаса, еріксіз, мәжбүрлі түрде қоныс аударылса, енді еркімен, өз қалауымен баруға болатын жағдай жасалды. Бұл еріктілер қатарында 1955 жылы 7000 адам келген еken.

Көші-қон саясаты, көші-қон үдерісіндегі тың және тыңайған жерді игеру кезіндегі көптеген мәселлеердің әлі де анық бағасын ала алмағандығын, олардың көлеңкеле тұстары мол екендігін ғалымдар жазады.

Кеңес өкіметі кезінде көші-қонға оң әсер берген 1955 жылғы және 1961 жылғы Қытайдағы қазақтардың атамекеніне оралуы болды. Зерттеушілер Қытайдан Қазақстанға оралғандар саны – 240.000-нан астам адам болды деп жазады [10, 12-6.].

Кеңес өкіметі тұсындағы көші-қон үдерістері аса күрделі болды. Жергілікті халықтың өзге елдерге, сыртқа қоныс аударуы күшейді. Кеңес өкіметінің қазақ ұлтына қарсы жүргізген саясаты халық санын азайтты, сонымен бірге ашаршылық, репрессия, ұжымдастыру, тәркілеу сияқты саяси науқандар халықтың өзге елдерге кетуіне мәжбүрледі. Бұл жергілікті халық санын азайтқаны бюелгілі. Осы азайған халыққа кейінгі өзге ұлттардың қоныстануымен КСРО кезінде қазақтардың өз жеріндегі үлесі айтартықтай азайып кетті.

Қазақстан тарихындағы тәуелсіздіктен кейінгі көші-қон үдерістерінің 3-кезеңінің өз артықшылықтары болды. Тәуелсіздік билік пен өкіметтің саяси істерінен, қанды тырнағынан аман қалу мақсатында еріксіз сыртқа кеткен қазақтардың қайта оралуына жағдай жасады. Бұл кезең көші-қон үдерісінде қазақтардың атамекендеріне оралуына мүмкіндік берді. Қазақстан 1991 жылы Дүниежүзі қазақтарының құрылтайын өткізу мәселесін қойды. Осы жылы 18 қарашада Қазақ КСР Министрлер Кеңесінің «басқа республикалардан және шетелдерден селолық жерлерге жұмыс білдіруші байырғы ұлтөкілдерін Қазақстанға қоныстандырудың тәртібі мен шарттары»

деп аталағын Үкімет қаулысы қабылданды. Осы құжаттың негізінде өзге елдердегі қазақтардың тамекеніне оралуына жол ашылды. Бұл елдегі көптеген мәселені шешті. Қазақстандағы сан жағынан азайған жергілікті ұлт өкілдерінің санын көтерді. Қазақтың ұмытылған этнографиясын, өнері мен дәстүрлерін қайта жандандырыды. Қазақ тарихына, әдебиетіне қатысты мол мұрағаттарды әкелді. 1991 жылдан 2023 жылға дейін Қазақстанға 1 жарым миллион қазақ оралған. Қазақстандағы көші-қон үдерістерінің 3-кезеңі туралы толыққанды

талауда жасау әлі де мүмкін емес. Бұл үрдіс әлі де жүріп жатыр. Оның оң бағыты қазақтар санының елдегі санының көбеюімен де анықтауға болады.

Қазақстандағы көші-қон үдерістерінің тарихи кезеңі ел тарихымен байланысты. Халықтың тома-түйік өмір сүре алмайтындығын, оның өзгеелдері қалыптастырумен де, құрамы, есі, әлеуметтік, экономикалық жағдайы өзгеріп тұратындығын дәлелдейді. Бұл өзгерістер елдің саяси, экономикалық, әлеуметтік жағдайының, көрсеткіші де болатындығын көрсетеді.

ПАЙДАЛАНҒАН ӘДЕБІЕТТЕР ТІЗІМІ

- 1 **Тынышпаев, М.** Великие бедствия... (Актабан Шубырынды) – Алматы: Жалын, 1992. – 188 с.
- 2 **Тынышпаев, М.** История казахского народа – Алматы: Санат, 2002. – 225 с.
- 3 **Шонанұлы, Т.** Жер тағдыры – ел тағдыры – Алматы: Санат, 1995. – 225 б.
- 4 **Аспендиаров, С.** Шығармалары: төрт томдық шығармалар жинағы. – Алматы: Елшежіре, 2014. – 407 б.
- 5 **Рыскулов, Т.** Собрание сочинений В 3-х томах. Т. 2. – Алматы: Арыс, 1997. – 350 с.
- 6 **Сәдуақасұлы, С.** Таңдамалы. Т. 2. – Алматы: Нұра-Астана, 2013. – 360 б.
- 7 **Донич, А. Н.** Народонаселение Казахстана // Народное хозяйство Казахстана – Кзыл-Орда, 1928. – 33 с.
- 8 **Турблаевич, Н. Д.** Естественное движение сельского населения Казахской ССР за 1924–1928 г. г. // Народное хозяйство Казахстана – Верный, 1930. – 98 с.
- 9 **Асылбеков, М. Х., Галиев, А. Б.** Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 г.г.) – Алматы: Фылым, 1991. – 192 с.
- 10 **Енсенов, Қ. А.** Қазақстандағы көші-қон процестері және оның зерттелуі (1926–1956) 07.00.09 – Тарихнама және деректану (Тарихнама, деректану және тарих зерттеу әдістері. – 07.00.02 – Отан тарихы (Қазақстан Республикасының тарихы) тарих ғылымдарының кандидаты дәрежесін алу үшін дайындалған диссертацияның Авторефераты – Алматы, 2007. – 28 б.
- 11 **Базанова, Ф. Н.** Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР – Алма-Ата: Казахстан, 1987. – 219 с.
- 12 **Құдайбергенова, А. И.** Қазақстан халқының ғлеуметтік жғне ұлттық құрамындағы өзгерістер (1939–1959 жылдар). Т.ф.к. ... автореф. – Алматы, 2000. -30 б.
- 11 **Михайлов, Ф. К., Шамшатов, И. Ш.** Народное движение за освоение целинных земель в Казахстане. (1953–1960 гг.). – Алма-Ата : Изд-во Акад. наук КазССР, 1964. – 359 с.

FTAMP 03:20

<https://doi.org/10.48081/FJVC1693>

Т. А. Бейсенбі

Торайғыров университет, Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.

e-mail: tbeisenbi@gmail.com

МИГРАЦИЯЛЫҚ САЯСАТТЫҢ ҚАЗАҚСТАН ҚОҒАМЫНЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ДАМУЫНА ҮҚПАЛЫ

Мақалада Қазақстандағы ішкі және сыртқы миграцияның асері туралы талданады. Ишкі және сыртқы миграция қоғамдағы халықтың көші-қон мәселелерін анықтап қана қоймай, сонымен бірге әлеуметтік-экономикалық дамуға ықпал етеді. Қазіргі әлемдік және геосаяси жағдайлар еңбек нарығында миграция саясатының әлемдік үздік тәжірибелерді және Қазақстанның өз ерекшеліктерін бірге алуды қажет етеді. Еңбек нарығындағы миграция сасяты, оның елдің экономикалық-әлеуметтік дамуына асері түрлі талдау әдістері негізінде көрсетіледі. Қазақстан еңбек нарығындағы сырт елдерден келген мигранттардың жұмыс салалары анықталады. Қазақстандағы ішкі миграцияны реттеу тәтіктері бойынша нақты бағдарламалар жұмыс істейді. Дегенмен бұл салада қаржылық, құрылымдық мәселелер арасындағы қайшылықтар қандастардың солтустік аймақтарға тұмас қоныстанып, әлеуметтік-экономикалық жағдайды көтеруге мүмкіндік бермей отыр.

Мигранттардың білік, білім, тәжірибесі, оның жұмыс сапасына қатыстылығы, сонымен бірге 2030 жылға қарай жоспарланып отырыған еңбек миграцияның цифрлық платформасының құрылуды бұл саладағы жаңа бетбұрыстарға мүмкіндік жасайтындығына талдау жасалды. Еңбек миграциясы саясатында жаңа бірыңғай цифрлық кеңістіктің болашағы, онымен жүргізілетін қызмет түрлері талданды. Қазақстандағы еңбек миграциясы саясатында цифрлық платформа кеңістігі бұл саладағы көптеген мәселелерді шешіп, кешенді жұмыс түрі жүргізілетінімен түйінделеді.

Кілтті сөздер: миграциялық саясат, қоғам, жаһандық тұмасу, әлеуметтік-экономикалық, даму, үрдіс.

Жаһандық өзгерістер әр елдің алдында үлкен мәселлеер туғызып отыр. Сол мәселелердің бірі - миграциялық үрдістер. Әлем халықтары арасында қазіргі кезде бұған дейінгі қалыптасқан үлттық құндылықтар, соның ішінде өзінің туған жерінде, елінде өмір сүруі керек, сол ата-бабаларының дәстүрін жалғастыру керек деген танымды қоғамдағы экономикалық, саяси, әлеуметтік т.б. жағдайлар өзгеріп жатқаны белгілі. Қазіргі кезде Қазақстанда көші-қон үрдістері 1990 жылдардың соңы мен 2000 жылдардың басына қарағанда азайғанымен де, ішкі және сыртқы миграцияның өзгерістері мемлекеттің экономикалық, демографиялық, саяси, әлеуметтік, мәдени жағдайларына асер ететіні анық. Елдің әлеуметтік-

экономикалық жағдайларын жоспарлау, реттеу, демографиялық үрдістерді басқару үшін де миграциялық саясаттың дұрыс жолға қойылуы талап етіледі. Миграциялық үрдістер ел қауіпсіздігін қамтамасыз ету, ел аймақтары ішіндегі және өзге мемлекеттермен келісім мен өзара ықпалдастықты жолға қою, т.б. жағдайларды реттеу мәселелерін шешуді талап ете отырып, ішкі және сыртқы саясаттың құрамдас бөлігі болады. Бұл ретте, Қазақстан қоғамының әлеуметтік-экономикалық дамуына ықпалын реттеудегі миграциялық саясаттың жузеге асырылуына талдау жасаудың қажеттілігі байқалады.

Қазақстан халқы миграциясының өзі ішкі жәнесыртқы миграцияны жеке-жекеталдауды қажет етеді. Соғы он жылдағы зерттеулерде

Қазақстандағы ішкі миграцияның біршама тұрақталуы байқалады. Ауылдардан қалаға көшіп келушілер үрдісі біршама тұрақталды. Ішкі миграцияда үздіксіз жүріп жатқан үрдіс Қазақстанда Алматы және Астана қалаларына қоныс аударушыларға байланысты кең ауқымда байқалады. Бұның себептері:

- еліміздің басты қалаларындағы инфрақұрылым дамуының жетістігі;
- өндіріс орындарының шоғырлануы;
- жұмыс орындарының молдығы;
- жалақы мәлшерінің жоғарлығы

[1, 25-6].

Алматы қаласының миграция көрсеткіштерінің өсуі 1990 жылдармен салыстырғанда төмендеген. Бұл қаладағы демографиялық көрсеткіштердің, соның ішінде туу көрсеткішінің төмендегімен де дәлелденеді. Ал Астана қаласында демографиялық даму көрсеткіштерінде өсу үрдісі байқалады. Астана – жастар мол шоғырланған қала. Сондықтан бұл қалада демографиялық өсу көрсеткіші жылдан жылға өсу үстінде.

Қазақстандағы миграциялық үрдістер әлемдік үрдістерді негізге ала отырып жүреді. Сыртқы миграцияның өзін:

- қайтадан қайтып келмейтін миграциялық үрдістер;
- еңбек миграциясы деп бөліп қарастыруға болады.

Алғашқысына Америка, Германия, Израил, Канада, Австралия елдеріне рұқсат берілген миграция түрі жатады. Бұл – белгілі бір орынды мекенжай етіп, тұрақтауға болатын миграция түрі.

Әлемдегі миграция үрдісі еңбек нарығы, интеграция, гуманитарлық және саяси баспаңа беру, заңсыз миграция деп белінеді. Қазіргі кезде Қазақстаннан өзге мемлекеттерге еңбек миграциясымен көп кетеді. Жұмыс тұрларын ынғайылығы, еңбекақының молдығы, біліктілікті көтеру, тәжірибе жинау мақсаттарында да болады.

Миграциялық үрдістер өндіргіш күштердің дамуын жеделдетіндіктен, қоғамдағы азаматтардан еңбек пен басқа да істердің атқаруда белсенділікті талап етеді. Ал жұмыссызыңық, экономикалық дағдарыс, әлеуметтік өсу қарқының баяулауы қоғамның өткір мәселелеріне анлары анық. Қазіргі кезде елімізде жұмыссыз азаматтар саны көп. И. К. Амерханова өз мақалсында әлеуметтік зерттеулер нәтижелерін берді. Осы нәтижелер бойынша, 25 жасқа дейінгі диагностикасы мен болжамдарын жасауды дұрыс санайды [4, с. 70].

Ездерінің еңбек әрі әлеуметтік жағдайларын қанағаттанаралық деп есептемейді [2, 23-6].

«Еңбекке қабілетті жастағы халықтың үлесі кеміп, еңбекке қабілетті жастаң асқандар мен еңбекке қабілетті жасқа жетпегендердің үлесі артық» деген мәліметті [3, 12-6.] «Есеп. Қазақстан Республикасындағы халықтың қоныстану жағдайы» Қазақстан Республикасы Ұлттық Экономика министрлігі Статистика комитеті ұсынады.

Ішкі миграцияны реттеуде ірі қалалар маңындағы ауылдарды көркейту, халықты қала маңындағы ауылдарға шоғырландыру арқылы әлеуметтік-экономикалық үрдістердің бірге жүргізуі де қажет етеді. Сонымен бірге білімсаласынақажеттісапалықызметтүрлерін ұсыну, ауылдарды орталықтандыруға байланысты бағдарламалар әзірлеу т.б. қызмет түрлерін жүргізу арқылы әлеуметтік, экономикалық мәселлдердің шешілуіне, дамуына жол ашуға болады.

Әлемдік миграция үрдісінде дамыған елдерге дамуши елдерден миграциялық ағынның көп болатыны қалыпты жағдай. Бұған қазіргі қазақстандықтардың Англияға, Америкаға, Кореяға кетіп жатқандығымен анықталады. Қазақстаннан аталған елдерге еңбек миграциясымен кетіп жатқандар саны жылдан жылға өсіп келе жатыр.

Оның бірнеше себептерін атауға болады.

- Бұған дейінгі барған мигранттар тәжірибесі келесі толқынға жол ашады;
- қазіргі кезде тіл үйрену курстары, алдын-ала дайындықтан өту мүмкіндіктері бар;
- еңбек орындарын мигранттар есебімен жұмыс күшімен толықтыратын арнағы үйімдар жұмыс істейді;
- байланыс мүмкіндіктерінің тиімділігі.

Миграциялық саясаттың әлеуметтік-экономикалық дамуға әсерін анықтау үшін міндетті түрде талдаулар қажет болады. Қазіргі қазақстандық миграцияда құрылымдық парадигмалар мен субъективті себептерді негізге ала жүргізіледі. Сыртқы және ішкі миграцияның әсерлерін талдау үшін обьективті және субъективті талдаулар әдістері дәстүрлі түрде жүргізіліп келеді. Дегенмен Т. Н. Юдина миграциялық талдау жасауда әлеуметтанудың жеке саласын құруды ұсынды. Бұл қарапайым миграциялық үрдістің жүру барысын суреттеуден бастап, оны танудың кешенді және терең занылыштарын талдау арқылы диагностикасы мен болжамдарын жасауды дұрыс санайды [4, с. 70].

Миграцияның әлеуметтік-экономикалық жағдайларға ықпалын талдау кезінде жалпы жағдай алынады. Мысалы зерттеушілер Орталық Азия елдері үшін миграцияның әсері демографиядағы жастардың үлесінің жоғарлылығымен сипатталатындығын, Өзбекстан мен Тәжікстандағы демографиялық өсім жастардың еңбек нарығын күштейтіп, осының себебінен осы елдерден Ресей, Қазақстан, Таяу Шығыс елдеріне мигранттардың көп болғандығын жазады [5, 255-256 6.6.].

Бұл елдерден Қазақстанға келетін мигранттардың саны екі миллионға жуық. Дегенмен осы екі миллионға жуық мигранттардың 1 %-ға елге келудің себебін еңбек миграциясы деп көрсетеді екен де, қалған 96 %-ы басқа себептер деп белгілеген [6, с. 116]. Мигранттардың стихиялық қозғалысының өзі де экономикалық және әлеуметтік салада көптеген қайшылықтардың тууна себеп болады.

Миграцияда әлеуметтік факторлардың да орны өзгеше. Қазіргі Қазақстандағы сыртқы миграцияның басты себебі Қырғызстан, Өзбекстан, Тәжікстан елдеріндегі отбасы күнкөрісі мен қажеттіліктерін қамтамасыз ету мақсатынан туындаған. Ауылда әйелдер мен жастарға еңбек нарығында сұраныс жоқ. Барлық зерттеушілер миграцияның басты себебіне экономикалық қажеттілікіті алады. Ал кейінгі жылдарда әлемдік экономикадағы инфляцияның өсуі барлық салада байқалуда. Бұл әсіресе әлеуметтік жағдайда күнделікті тұрмыстық қажеттіліктерден бастап, ірі экономикалық үрдістерде анық көрінеді.

«Мәлшерлеме бұрынғысынша жоғары, ал тамыз айындағы инфляция бойынша жақында шықкан деректер оның 12,2%-ға дейін жеделдеген қөрсетті. Осының салдарынан, біздің бағалауымызша, базалық мәлшерлеменің жыл сонына дейін 16,75-17,00 %-ға дейін арту ықтималдығы өсуде» [7, 1-6].

Әлемдік инфляцияның өсуі Ресей мен Украина, Таяу Шығыстағы соғыстар және Қытай – Америка экономикалық қақтығыстарының нәтижесінен орын алып отыр. Қазақстанның геосаяси орналасу кеңістігінің өзі де Ресей мен Қытайға тәуелді. Халықтың әлеуметтік жағдайының төмендеуі сыртқы миграцияның күшеюіне ықпал етеді. Сырттан келетін мигранттар саны инвестиция слушылармен де қатысты болады. 2025 жылдың 31 қазанындағы Қазақстан Республикасы Еңбек және

түрғындарды әлеуметтік қорғау вице-министрі А. Ертаевтың мәліметі бойынша, еңбек иммиграциясы бойынша ағымдағы жылы шет ел жұмысшыларына – 19, 4 мың бірлік квота берілген, оның 14, 7 мың бірлігі – заныңда тұлғалар.

Еңбек мигранттары келесі елдерден алынған:

- 1) Қытай – 5330 адам;
- 2) Өзбекстан – 2682 адам;
- 3) Түркія – 1046 адам.

Сала бойынша:

- құрылым – 4929 адам;
- ауыл шаруашылығы – 3140 адам;
- тау кен өндірісі – 1240 адам.
- үй шаруашылығына – 2, 9 % жұмыс күші немесе 237, 8 мың бірлік.

2025 жылдың 1 қазанында Өзбекстаннан – 124, 1 мың бірлік, Тәжікстаннан – 7, 1 мың бірлік, Әзіrbайжаннан – 1, 2 мың бірлік адам жұмыс істеген [8].

Еңбек нарығында мигранттардың сандық көрсеткіштерімен ғана емес, сапалық көрсеткіштерімен жұмыс істеудің қажеттілігі туындаиды. Қазіргі кезде мигранттардың еңбекке жарамдылығының сапасы деген тұста олардың жасы алынып жүр. Қазақстан Республикасында Статистика мәліметтеріне сәйкес, сыртқа шығатын мигранттардан, келетін мигранттардың жас екендігін айтады. Қасіпке бейімділігі, мамандық түрлеріне қарай жіккеген кезде ішкі нарықтан мигранттардан жоғары кәсіби және инженерлік, қаржы-экономикалық, кәсіпкерлік салалар бойынша қызмет түрлеріне сұраныс болған. Дегенмен кәсіпорындар мен өндірісте осы мигрант мамандармен бірге кәсіби біліктілігі төмен жұмыс күші де тартылатындығын атайды [9]. Келесі кезекте орта білікті қызметкерлер санын қысқарту, бұл санаттағы жұмыс күшін тартылуын тежеу көзделуде. Оның есесіне жоғары білікті мамандар, инвестициялауға мүдделі тараптарды ынталандыру мақсаты қойылған. Бұл мигранттар сапалы жұмыс күшін көрсете отырып, ұлттық жұмыс күшінің сапасына оң әсер етүи тиіс жеген болжам жасалады.

Қазіргі Қазақстандағы ішкі миграцияның аса маңызды бағыттарының бірі – онтүстіктен солтүстікке қоныс аудару. Бұл бағыт бойынша көбінесе қандастар тартылады. Олардың біліктілігі мен еңбек түріне қабілетті, ыңғайлылығына қарай тарту, қолдау мәселесі онлайн түрінде жүргізілуін қолға алу жоспарлануда. Бұл солтүстік өнірлерді қазақыланыру саясатын да қоса жүргізеді. Сонымен бірге онтүстіктегі тығыз

орналасқан халықты еркін территорияға бейімдеу, бос қалған шаруашылықтарды дамыту жоспарлары әлеуметтік және экономикалық мәселелерді бірге шешеді. Ішкі миграцияның өзінің де көптеген түйтілді мәселлеір қандастардың солтустікке жаппай қоныстануына мүмкін бермей отыр. Бұл мәселеде құрылымдық органдар тараپынан да, жеке субъектілер тараپынан да әлі де тиянақтатын тұстар бар.

Қазақстандағы 2019 жылғы мәлімет бойынша:

- қала халқы 1992 жылғыдан 1. 234 700 адамға 13,6 % өскен;

- бұл халықтың - 58, 2 % ;

- ауыл халқы оңтүстік өнірлерде шоғырланған:

- Түркістан облысында - 80% ;

- Алматы облысында - 77, 5 % ;

- Жамбыл облысында - 60, 3%.

Қазақстан үшін миграция саясатында олардың инвестиция қыю бағыты аталған саланы дамытудың бір бағыты деп алынса, мигранттар санын тежеу міндеті де белгіленген. Бұл азаматтардың еңбек етуге, оған қол жеткізуге мүмкіндіктерін кеңейту, кәсіпкерлікті қолдау, несие жүйесін дамыту, тұрғын үй құрлысын ілгерletу сияқты салалалармен байланысты. Сонымен бірге биылғы жылы «Еңбек адамы жылы» деп жарияланған тұста азаматтардың қоғамның әр саласындағы әлеуметтік-экономикалық нысандарда қызмет ету мүмкіндіктерін көтеру бағыттарын анықтауға арналған шаралар мол қамтылды.

Қазақстанның миграциялық саясаттындағы келесі бір бағыт - жаңа технологиялық ақпараттық саламен байланысты. Бұл ретте, 2023 жылы Қазақстанда миграциялық саясатта Еңбек миграцияның бірыңғай цифрлық платформасын құру жоспары әзірленуде.

Еңбек миграциясында соғы екі жыл ішінде заңсыз Қазақстанда тұратындар саны 1,5 есеге артқан. Бір ғана мамыр айында миграция заңдарын бұзудың 7000-нан артық дерегі тіркеліп. Сол себептен де, Қазақстан Республикасының Үкіметі Министрлік алдына Еңбек миграцияның цифрлық платформасының дерекқорлар интеграциясын енгізу міндетін 2025 жылдың қарасына белгілеп отыр.

Бұл жоспар бойынша Еңбек миграция саясатының көптеген түйтілді мәселелері шешіліп, басқару тәсілі түбекейлі өзгереді. Бұл елемізге сырттан келетін әммиграциялық үрдістерді де тежейді деген үмітті береді. Еңбек миграцияның бірыңғай цифрлық платформасы мигранттарды есепке алу, көлеңкелі жұмыспен қамту, жалған келісімшарттармен жұмыс істейтіндер шектеледі. Шетелдік жұмысшылардың құқықтарын қорғау, іріктеуден өткізу, бейімдеу, мигранттардың ID картасы т.б. мәселлеір бойынша да жұмыс түрлерін қамтиды. Еңбек миграциясы саясатында экономиканы көтеретін тапшы кадрлар санын көтеру, қажетті мамандарды еңбекке тарту мәселесі өз шешімін табады.

Қорыта келгенде, Қазақстандағы миграция саясаты әлемдік даму мен оның болашақ болжамдарын негізге ала отырып, еліміздің әлеуметтік, экономикалық дамуына мигранттар ықпалын негізге ала отырып жүргізеді. Қазіргі миграция саясатының күрделілілігі оның бір елге қатыстырылышында ғана емес. Миграция саясаты әлемдік саясатпен, жаһандық ақпараттық технологияның дамуымен, сонымен бірге еліміз үшін геосаяси тұрақтылықпен де тығыз байланысты. Бұл ретте, экономикалық, әлеуметтік жағдайлардың тұрақты дамуы үшін еңбек миграцияның саясаты осы сипаттарды негізге ала отырып жүргізіледі.

ПАЙДАЛАНҒАН ӘДЕБІЕТТЕР ТІЗІМІ

1 Рахметова, Р. У. Қазақстан қалаларының демографиясына ішкі миграцияның әсері // Журналда: Евразийский Союз Ученых (ЕСУ) №7 (64). 2019. – 145 б.

2 Амерханова, И. К. Қазақстандағы көші-қо: құқықтық, әлеуметтік қырлары // Журналда: Элихан Бекейхан университеті Хабаршысы №3 (54) – Семей: Бекейхан университеті, 2022. – 248 б.

3 Есеп. Қазақстан Республикасындағы халықтың қоныстану жағдайы. Қазақстан Республикасы Ұлттық Экономика министрлігі Статистика комитеті. – Астана: ЮНПФА Қазақстан, 2017. – 42 б.

4 Юдина, Т. Н. Социология миграции – Москва: Академический Проект, 2006. – 272 с.

5 Токмейлова, М., Асхат, Г., Әйтімбет, Л. И. Орталық Азиядағы еңбек миграцияның ерекшеліктері: әлеуметтік-экономикалық және құқық аспектілері // Журналда: Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті Хабаршысы. «Халықаралық қатынастар және аймақтану» сериясы № 2 (60). – Алматы: ХҚЖӘТУ, 2025. – 276 б.

6 Ақылбаев Р. Основные направления трудовой миграции в Казахстане // В журнале: Казахстан – Спектр №1. – Астана: ОО КРОИВО 2016. – 122 с.

7 Сұлтан Ж. Алғы сөз // Журналда: Макроэкономикалық өсу. Жаңартылған болжам – 2025. – Астана: bbc inbest АҚ, 2025. – 66 б.

8 Трудовой мигрант: назван основной «поставщик» рабочей силы в Казахстане <https://www.zakon.kz/obshestvo/6496211-trudovye-migranty-nazvan-osnovnoy-postavshchik-rabochey-sily-v-kazakhstan.html>

9 [Электронды ресурс]. – <https://kaz.caravan.kz/zhangalyqtar/enbek-migracijasy-kandastar-men-sheteldik-zhumysshylardy-tirkeu-cifrlyk-zhygeje-otedi/>

В. В. Вагнер

Магистрант, Торайгыров университет, г. Павлодар

e-mail: vadimvagner2002@bk.ru

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В данной статье рассматривается историографическое осмысление процессов коллективизации в Казахстане в 1929–1933 годах. Анализируются основные направления исследований, сложившиеся в отечественной советской и постсоветской исторической науки, и оценки последствий коллективизации, её социально-экономическими и демографическими результатами.

Ключевые слова: Коллективизация , история , катастрофа , кочевник , голод , историография, социально-экономические процессы.

XX век стал для Казахстана временем глубоких и противоречивых, социальных, экономических преобразований и политических трансформаций. После Октябрьской революции Казахстан был вовлечен в ряд кардинальных преобразований, которые коренным образом изменили традиционную жизнь народа. Кардинальное изменение вековой культуры затронули каждого жителя степи. Процесс перехода традиционного кочевого хозяйства к оседлому образу жизни, активное внедрение советской системы управления и плановой экономики. Эти процессы сопровождались не только экономическими трудностями, но и серьёзными социальными потрясениями и демографическими катастрофами, такими как голод 1917–1918 гг., 1921–1922 гг. и в 1929–1933 гг. Менялась структура общества, формировался новый тип человека – советский гражданин, оторванный от традиционного уклада и системы ценностей кочевого человека. В результате Казахстан из аграрно-кочевой окраины Российской империи постепенно превратился в важный индустриальный регион Советского Союза.

Приказ о коллективизации был принят в декабре 1929 года пленумом Казрайкома ВКП(Б) в котором предполагалась чтобы уже к осени 1930 года было охвачено колхозами 350 тыс хозяйств, а полностью провести "оседление" кочевых районов к 1932 году В дальнейшем этот приказ привел

к масштабному голоду начала 1930-х годов и огромным демографическим потерям. Несмотря на официальные цели модернизации сельского хозяйства, (оседание раннее кочевого народа, объединение хозяйств в колхозы) реальный же результат оказался трагическим имеющие последствия на продолжительное время вперед – социальная структура была сломана, а культурные и экономические основы кочевого мира оказались под угрозой исчезновения. В дальнейшем последствия коллективизации продолжали сказываться на развитии региона еще десятилетиями. Переселение населения в Афганистан, Китай, Турцию изменило традиционных земельных отношений и разрушение хозяйственных связей привели к глубокому изменению казахского общества. Новые коллективные хозяйства формировались зачастую без учёта местных условий, что порождало неэффективность и зависимость от центра. Вместе с тем коллективизация стала точкой, после которой началось формирование иного уклада – с оседлым образом жизни, индустриализацией и изменением этнического состава населения. На основе материалов Первой Всесоюзной переписи населения 1926 г., Григорий Фёдорович Дахслейгер советский учёный-историк, доктор исторических наук член-корреспондент Академии наук Казахской ССР, рассматривает национальный состав

населения: в Казахской АССР жило более 6,5 млн.человек, из них казахи составляли 57,1 проц., русские – 19,6, украинцы – 13,2, узбеки – 3,28, белорусы – 0,39. Работы Григория Фёдоровича Дахшлейгера занимают особое место. В работах историка прослежены этапы становления и дальнейшего развития исторической науки Казахстана. Кроме того, им выделены малоизученные и дискуссионные проблемы казахстанской истории, которые не утратили своей актуальности и в наши дни. В его работах освещаются сложные и многогранные вопросы социально-экономической истории казахстанского аула и деревни в доколхозную эпоху. Он выделяет три временные этапа – конца 1920 года, 1925–1926 годов и 1927–1928 годов, что даёт возможность более глубоко понять логику исторических процессов. Г.Ф. Дахшлейгер стремился рассматривать коллективизацию сложный социально-экономический процесс в истории региона. Его подход позволяет понять внутреннюю логику и рассмотреть статистические данные этого периода. В монографии «Социальное – экономическое преобразования в ауле и деревне Казахстана» дает характеристику социальным слоям казахского населения до коллективизации: бай, ауқатты, даулетты шаруа, орта шаруа, кедеи, кункургиши, консы, малай, жалшы, батрак и т.д. Центральным элементом позиции Дахшлейгера является мысль о том, что коллективизация в Казахстане не возникла «на пустом месте». Он подчёркивал, что изменения в хозяйственной жизни кочевых и полукочевых групп начались задолго до массовой кампании 1930-х годов. Историк исследовал бедняцкое хозяйство в кочевых, полукочевых и земледельческих районах. Переход к частичной оседлости, рост хозяйств, ориентированных на земледелие, расширение товарных связей – всё это, по его мнению, создавало объективные предпосылки для дальнейшей коллективизации. Такой подход позволяет рассматривать коллективизацию не только как политическое давление, но и как завершающий этап длительной социально-экономической эволюции с позиции советской историографии. Такжее историк подверг критике Ф.И. Голощекина – первого секретаря Казахского Краевого Комитета партии в 1926–1932 гг., что «он совершил

серьезные ошибки при проведении колективизации и массового планового оседания казахского кочевого и полукочевого населения». Казахстанский историк Ж.Б. Абылхожин в своем труде «Очерки социально-экономической истории Казахстана XX века» выпущенным впервые 1997 году в постсоветский период рассматривает историю республику, не со стороны советской идеологии, а со стороны возрождения национального сознания. Его подход основан на принципах историзма, критического анализа, объективности, системном и комплексном подходе. Учёный стремится объективно проанализировать события прошлого, опираясь на ранее рассекреченные архивные документы и показать реальные социально-экономические процессы и ту жизнь, стоявшие за официальными лозунгами и политическими решениями. Основная задача Ж.Б. Абылхожина это переосмысление социально-экономической истории Казахстана XX века вне рамок советской идеологии. Ранее многие проблемы рассматривались преимущественно с позиций советской историографии. В своем труде историк рассмотрел каждый советский период подробно и дал объективную оценку событий: Политика военного коммунизма, НЭП, годы индустриализации и коллективизация, период Великой отечественной войны, послевоенный период, целинная эпопея, годы оттепели и застоя. Ж.Б. Абылхожин показывает, что каждый из этих этапов имел двойственную природу: с одной стороны – экономическое развитие и модернизация, с другой – тяжелые социальные последствия. Формально эти изменения выглядели как шаг вперёд, как движение к обновлению и развитию, однако на деле они часто сопровождались большими потерями, нарушением привычного уклада жизни и значительным напряжением в социальной сфере. Но остановимся на советской коллективизации, которая привела к глубокому кризису сельского хозяйства и массовому голоду. Насильственное изъятие скота, ликвидация частной собственности и разрушение традиционного кочевого уклада жизни подорвали основы экономики. В результате насильственной коллективизации, массового оседания, вынужденных откочевок из-за голода и

эпидемий численность казахского населения резко сократилась. На примере колективизации, когда ради масштаба сгонялись сотни скотоводческих хозяйств с огромной территории в одно место без учета кормовых и водных ресурсов, что в дальнейшем приводило к смерти животных от истощения или болезни. «По Сообщению от 28 января 1931 г. в Каркаралинском районе на базах «Союзмясо» скопилось 5 тыс. крупного и 18 тыс. мелкого скота, на почве отсутствия должного ухода среди скота развиваются массовые заболевания» [1]. По Абылхожину, коллективизация носила ярко выраженный насильственный характер. Власти применили методы, рассчитанные на оседлое земледельческое население европейской части СССР, не учитывая специфики кочевого хозяйства. В результате конфискация скота, ликвидация байских хозяйств, принудительное создание колхозов и массовое оседание не привели к заявленной «модернизации», а разрушили экономические основы жизни населения. Одним из ключевых последствий коллективизации стал голод 1931–1933 годов, который Абылхожин рассматривает как прямое следствие советской модернизации. Исчезновение большей части поголовья скота, жесткие нормы изъятия в данном труде «Очерки социально-экономической истории Казахстана XX века» приводится пример ярко насильственного характера коллективизации, «отмечают, что очень часто во время проведения сельских сходов вместо обращения «кто хочет вступить в колхоз» проводники коллективизации, угрожающие «поигрывая» наганом, «Кто против коллективизации?» [2]. В тех случаях, когда крестьяне все же не проявляли «доброй воли» и не спешили избавляться от «буржуазной» частной собственности, к ним применяли иные «воспитательные меры». Административное давление и миграционные потоки привели к беспрецедентным демографическим потерям. Историк показывает, что голод был не случайной трагедией, а результатом систематических ошибок и принуждения, заложенных в самой модели советской трансформации. Статья Онгарбаевой А.И. и Сактагановой З.Г. «Страницы истории коллективизации Центрального Казахстана» представляет собой важный вклад в исследование коллективизации по Центральному Казахстану. Авторы

обращаются к периоду начала 1930-х годов, когда советская власть осуществила масштабную кампанию по колективизации сельского хозяйства. В ходе самой работы мы можем увидеть сводки и выдержки из архивных данных, в которых приводятся факты насильственных методов колективизации. Статистические данные, жуткие факты о голоде тех лет приведшей к демографической катастрофе «В связи с голодом пострадали аулы, стоящие далеко от райцентра. В ауле № 8 было хозяйств 360, осталось 27 хозяйств. В ауле № 9 было хозяйств 343, осталось 49. Особенно в этих аулах было распространено людоедство, людей выкапывали из могил... По сведениям органов ГПУ, умерших от голода насчитывалось по району 3612 чел. Ужасную картину можно было видеть в самом районном центре. Люди мертвыми лежали на улице, во дворе, на крышах домов, в сенях, базах и даже в домах, где оставшиеся еще живые люди спали совместно с мертвецами. Были отмечены случаи людоедства в Кзыл-Тусском, Аиртауском районах и городе Караганде». [3] Авторы подчёркивают, что решения о коллективизации принимались без учёта региональной специфики. Введение единых для всей страны норм и темпов преобразований создало противоречия между природно-хозяйственными условиями Казахстана и реальными возможностями местного населения. А сами колхозы и люди в них не понимали, что делать в ходе обобществления скота и большинстве случаев скот погибал от бескорыстия, или пускался под нож. Что в дальнейшем привело к голоду. Советский российский историк аграрник Данилов В. П. в своем труде четыре концепции коллективизации который за несколько периодов развития СССР изменил мнение о коллективизации. Его «четыре концепции» коллективизации позволяют осмыслить этот процесс не как однородный и неизбежный, а как сложное, внутренне противоречивое явление, в котором переплелись идеология, экономика, социальная динамика и политические решения. Первая, традиционно-советская концепция сформировалась в период оттепели с 1950–1960 е года и рассматривала коллективизацию как прогрессивный и исторически закономерный шаг: модернизация сельского хозяйства,

механизация, укрупнение хозяйств – всё это подавалось как путь к индустриальной мощи страны. Но в условиях Казахстана подобный подход оказался слабым: он игнорировал специфику кочевого и полукочевого уклада. Насилие признавалось, но было вынужденной мерой. Данная концепция отражала дух оттепели – стремление показать исторически оправданный путь. Вторая, критическая концепция времена формирования 1970 – 1980 е годы, в данной концепции историк постепенно отходит от традиционных советских догм и подчёркивает насильственный характер коллективизации, наиболее точно отражает казахстанский опыт. Здесь насилие – это принудительное оседание, изъятие скота, жесткие нормы заготовок и административный нажим ломали традиционные структуры. Коллективизация по мнению Данилова была революцией сверху без учета местных факторов, голод начала 1930-х годов, массовые миграции, демографическая катастрофа подтвердили это. Третья, социально-экономическая концепция сформирована в эпоху перестройки. На волне "гласности" историк утверждает, что коллективизация не была неизбежной. И подводит к более сложному пониманию: кризис аграрных отношений назревал задолго до 1930-х и проблемы действительно существовали – низкая товарность, неравномерность развития, нехватка инфраструктуры – но само решение данной проблемы, было жёстким и наименее адаптированным к особенностям Казахстана. Четвертая концепция, утверждает, что коллективизация вовсе не была неизбежной: существовали более мягкие сценарии реформ, постепенная

кооперация, поддержка индивидуальных хозяйств, адаптация кочевого уклада к новым экономическим условиям. Казахстан мог бы пройти модернизацию иначе, без разрыва с собственной культурой и без тех человеческих потерь, которые стали одним из самых трагичных в истории республики. В результате насильственной коллективизации, массового оседания, вынужденных откочевок из-за голода и эпидемий численность казахского населения резко сократилась. В ходе индустриализации высокие темпы экономического развития региона, требовавшие постоянного притока рабочей силы, превратили его из мононационального в многонациональный, и казахи стали меньшинством на своей исконной территории. Трагические события повлияли на особенности расселения, изменили социальные и демографические характеристики населения региона.

В заключение можно отметить, что мнение исследователей о коллективизации заметно менялось в разные исторические периоды. В советское время историки представляли её как однозначно положительный и оправданный процесс, направленный на окончательное оседание кочевого населения, почти не признавая трудностей и последствий. Однако после обретения независимости и снятия грифа «секретно» с ранее недоступных архивных материалов оценки резко изменились. Коллективизацию стали рассматривать как тяжёлый и насильственный процесс, приведший к огромным человеческим потерям: массовому оседанию, вынужденным откочёвкам, голоду и эпидемиям, что вызвало резкое сокращение численности казахского населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Абылхожин, Ж. Б. «Очерки социально-экономической истории Казахстана XX века». – Алматы : МП «ЮАТ». – 1997. – 360 с.
- 2 Онгарбаева, А. И., Сактаганова, З. Г. «СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА». [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stranitsy-istorii-kollektivizatsii-tsentralnogo-kazahstana> (дата обращения 29.10.2025).
- 3 Кедров, Н. Г. «Четыре концепции коллективизации В. П. Данилова» [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chetyre-kontseptsii-kollektivizatsii-v-p-danilova> (дата обращения 10.11.2025).
- 4 Даҳшлейгер, Г. Ф. «Избранные труды» – Алматы : Елтаным, 2015. – 614 с.
- 5 Игбаев, С. К. Құдайбергенұлы, Б. «Дахшлейгер г.ф., вклад в историческую науку и историографию казахстана» [Электронный ресурс]. – URL: <https://otan.history.iie.kz/main/article/view/450> (дата обращения 05.11.2025).

Н. А. Кубик

Торайгыров университет, Республика Казахстан, г. Павлодар
e-mail: kubikbadezda@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ СЕМИПАЛАТИНСКОГО ИСПЫТАТЕЛЬНОГО ЯДЕРНОГО ПОЛИГОНА. РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье представлены новые архивные документы, которые раскрывают неизвестные страницы истории Семипалатинского испытательного ядерного полигона, влияние ядерных взрывов на здоровье людей, проживавших на территориях Павлодарской области, отнесенных к зоне повышенного (Майский район) и минимального (район Аккулы, Баянаульский район) радиационного риска, об исследованиях влияния радиационного излучения на состояния здоровья населения региона и о роли всенародного движения «Невада-Семипалатинск» в прекращении взрывов.

Ключевые слова: ядерный полигон, радиация, радиационное воздействие, архивные документы, движение «Невада-Семипалатинск», здоровье населения, патология.

Семипалатинский полигон был единственным испытательным полигоном вблизи крупных населенных пунктов. Первый взрыв прогремел на полигоне 29 августа 1949 г. Мощность бомбы составила 22 килотонны. С 1949 по 1989 гг. на Семипалатинском ядерном полигоне всего было осуществлено 473 ядерных взрыва, в том числе 26 наземных, 90 воздушных и 354 подземных, при этом первые два вида испытаний осуществлялись до 1963 г., а подземные взрывы – в 1961–1989 гг. Суммарная мощность взрывов, произведенных только открытым способом, за сорок лет испытаний составила 20 тысяч бомб, сброшенных на Хиросиму.

Помимо ядерных взрывов на полигоне было осуществлено 175 взрывов с применением химических взрывчатых веществ. Радиоактивные осадки распространялись на территории 304 тыс. кв. км, на которой проживало 1,7 млн. человек. В 711 населенных пунктах эффективная доза превышала санитарную годовую норму в размере 0,1 бэр.

Многолетние испытания привели к обширному загрязнению радиоактивными продуктами территории Семипалатинской, Восточно-Казахстанской, Павлодарской, Карагандинской областей и Алтайского края Российской Федерации. Около 1,5

млн. человек подверглись многократному оструму и хроническому воздействию в основном малых доз ионизирующего излучения [1, Л.1].

Наземные и воздушные испытания 1949–1963 гг., представлявшие наибольшую опасность для населения и окружающей среды, были проведены на территории Павлодарской области, а подземные испытания 1963–1989 гг. прошли в непосредственной близости от её территорий. На долю нашей области пришлось 7,17 тыс. квадратных километров или более одной трети всей территории Семипалатинского полигона. В связи с отсутствием лесов на территории области в условиях равнинной местности радиоактивная пыль в период проведения наземных и воздушных испытаний мигрировала на большие расстояния. Влияние радиации на здоровье, качество и продолжительность жизни населения, подвергшегося разным дозам облучения, как и история самого полигона, до сих пор до конца не изучены. Испытания проводились в обстановке строжайшей секретности, соответственно были закрыты доступы ко всем документам. Благодаря работе по рассекречиванию становятся доступными ранее неизвестные документы, содержащие новые сведения о

Семипалатинском полигоне и его влиянии на здоровье жителей Павлодарской области.

Отчуждение земель Павлодарской области для полигона началось в 1947 году. Совершенно секретным решением Павлодарского облисполкома от 29 сентября 1947 г. № 809/29 в распоряжение Министерства Вооруженных сил СССР передан участок на территории Майского района площадью 8272 кв. км. Его надлежало освободить до 1 ноября от временных стоянок на пастищах, мест зимовки и переселить колхоз им. Орджоникидзе «в ближайший колхоз до окончательного разрешении вопроса об отводе ему земельного участка на вечное пользование». Этот вопрос решился в 1948 году. Согласно выписке из секретного постановления Совета Министров СССР от 25 февраля 1948 г. № 140-18сс в административно-территориальное устройство области были внесены изменения. Отдельному Управлению строительства № 310 Министерства Вооруженных сил Союза ССР под режимную зону полигона были переданы участки: на северо-восток от озера Карасор (могила Седельбай), севернее озера Балтышек, озеро Каскарбай-соп: с севера озеро Сулусор, Кайнема, Кудук Чанырау-Кара-Баш (оба пункта исключительно). На юго-восток Кудук Кималы, могила Кайк-Тая, далее по р. Иртыш, аул Молдар, восточные скаты горы Тюс-Баган высотой 278, озеро Терень-Куль, сопка Кара-Тюбе, до границы Семипалатинской области (гора Безымянная, что восточнее к. Кайнар). Из колхоза имени Орджоникидзе Майского района жители были переселены (колхоз был объединён с колхозом «Кара-Терек»), а в связи с образовавшимся разрывом территории Майского района, колхозы имени Сталина, имени III пятилетки, «Жанакүш», «Будене» и «Алгабас» переданы в состав Жанасемейского района, Семипалатинской области. Таким образом, большая часть Семипалатинского полигона пришла на территорию (бывшей и нынешней) Павлодарской области [2, Л.74].

Результатом радиационного воздействия стали тяжелые соматические и онкологические заболевания жителей Семипалатинской области и прилегающих областей Казахстана и Алтайского края, рост младенческой смертности, удельного веса пороков развития в общей заболеваемости и смертности. Видимо, не случайно в 1949 году в Павлодарской области был открыт

онкологический диспансер. В секретной информации заместителя начальника Павлодарского облстатуправления С. Кабаева от 5 марта 1956 г. о деятельности Павлодарского онкологического диспансера говорится, что с момента организации диспансера количество больных раком и другими злокачественными новообразованиями, состоящих на учёте, с каждым годом увеличивалось, приводятся данные о количестве больных и умерших в разрезе по заболеваниям, техническом оснащении диспансера, его штатах, профилактической работе и др. Приводятся данные об увеличении количества психогенных расстройств, росте количества случаев умственного недоразвития. Согласно отчёту, уровень суицидальности превышал общесоюзный в 1,5–2 раза. Имели место рост предраковых заболеваний кожи и аллерго-дерматозов, снижение показателей иммунологического статуса организма [3, Л.87–94].

На основании постановления Совета Министров КазССР от 15 апреля 1959 года № 328-32с была организована экспедиция для определения и изучения степени радиоактивного загрязнения и состояния здоровья в некоторых районах Павлодарской области. Однако, полных данных о результатах этих исследований на сегодняшний день нет [4, Л.62].

На протяжении десятилетий тема полигона оставалась закрытой. В 1989 году начавшиеся в Советском Союзе процессы гласности позволили во весь голос открыто заявить о проблеме пагубного влияния ядерных испытаний и необходимости их прекращения, а также об оказании социальной поддержки лицам, пострадавшим вследствие ядерных испытаний.

Большую роль в прекращении деятельности Семипалатинского ядерного испытательного полигона сыграло первое всенародное антиядерное движение в Советском Союзе «Невада-Семипалатинск», которое выступило за закрытие всех ядерных полигонов. Создал и возглавил его поэт, историк, общественный деятель Олжас Сулейменов.

В мае 1990 г. по инициативе Сулейменова О. в г. Москве состоялся Международный антиядерный конгресс, на котором было признано необходимым объединиться всем антиядерным организациям в Глобальный альянс. В альянс вошли такие авторитетные международные организации, как «Врачи мира за предотвращение ядерной войны»,

«Парламентарии за глобальные действия», «Гринпис» и другие. Отделения движения «Невада – Семипалатинск» были открыты в нескольких республиках СССР, в США, Германии, Монголии, ЮАР, Турции. В Казахстане движение в считанные дни стало общенародным. Его начали научная интеллигенция и студенты, подхватили рабочие. Бастующие шахтеры Экибастуза выдвинули требование закрыть полигон. Его поддержали машиностроители и медицинские работники Павлодара, металлурги Усть-Каменогорска и Джезказгана, нефтяники Гурьева и Манышлака, горняки Акмолинска.

В Справке инициативной группы движения «Невада-Семипалатинск» от 1 апреля 1990 г. о влиянии последствий ядерных взрывов на здоровье населения Баянаульского района Павлодарской области говорилось, что «Население нашего района постоянно чувствует влияние последствий ядерного взрыва: наземного и воздушного, которые продолжались около 10 лет, и подземного (электромагнитные волны при сейсмовозмущениях, выброса большого количества инертных газов, рассеивающихся по ветру). По данным радиологической лаборатории ОблСЭС естественный радиационный фон в Баянуле от 14 до 18 мкР/ч, а в высокогорьях - 27 мкР/ч». В этой же справке приводились данные, что рост онкологических заболеваний составил с 23 чел. в 1983 г. до 35 чел. в 1989 г., а также анемии, лейкопении, аллергических заболеваний, псориаза, витилиго, пороков развития у новорожденных, мертворожденности, преждевременных родов, случаев самоубийств и психических заболеваний.

«Это происходит на родине Каныша Сатпаева, Жаяу Мусы, Машур Жусуп Копеева и многих выдающихся сыновей, известных не только в Казахстане. Возможно ли появление таких выдающихся учёных, писателей и т. д., если растёт количество дебильных слабоумных детей, различной степени, психических больных? Во всяком случае, сроки сдвинуты на многие годы. Учителя наблюдают резкое понижение памяти у учеников и способности восприятия сказанного» [5, Л.1-3].

В обращении Павлодарского областного Совета народных депутатов к Верховному Совету и правительству СССР от 3 марта 1990 года говорилось: «Разделяя глубокую тревогу жителей многонационального Казахстана,

вызванную ухудшением экологической обстановки в районе ядерного полигона,... мы депутаты Павлодарского областного Совета народных депутатов обращаемся к Верховному Совету и правительству СССР [с предложением]:

- рассмотреть вопрос о прекращении ядерных взрывов на полигоне близ Семипалатинска и его закрытии;

- выработать Правительственное решение о возмещении компенсации пострадавшим районам за нанесенный ущерб в результате многолетних испытаний ядерного оружия на границе области;

- оказать техническую, медицинскую, материальную помощь населению районов, наиболее пострадавших в результате испытаний на полигоне, установить повышенный коэффициент к зарплате рабочих и служащих Майского, Баянаульского и Лебяжинского районов;

- содействовать в осуществлении и финансировании программы комплексной рекультивации территорий, прилегающих к району» [6, Л. 28-29].

В 1989 году массовые акции движения остановили 11 взрывов из 18 запланированных на Семипалатинском полигоне. А уже в 1990-1991 годах благодаря движению не было произведено ни одного взрыва.

С 1990 года в Павлодарской области для изучения последствий ядерных испытаний были реализованы медико-экологические программы «Профилактика» и «Полигон», в рамках которых установлено, что глубокая обеспокоенность медиков уровнем и динамикой состояния здоровья населения имеет под собой объективные основания.

Исследования специалистов-генетиков наследственных и врождённых патологий населения области выявило неблагоприятные изменения в здоровье населения, имеющие радиационную природу. В фондах Государственного архива Павлодарской области имеется уникальный документ: «Радиационное воздействие на территорию Павлодарской области ядерных испытаний Семипалатинского полигона», составленный Центром охраны здоровья Министерства здравоохранения Республики Казахстан и Войсковой частью 52605 в 1993 году. Войсковая часть 52605 являлась одним из наиболее авторитетных научных коллективов этого направления и обладала опытом подобных исследований не только в Семипалатинском регионе, но и в зоне Чернобыльской трагедии. Ею были

проведены специальные исследования по количественной оценке факторов полигона, влияющих на территорию области.

В этих исследованиях состояния здоровья населения также приняли участие такие известные научные организации, как Центр охраны здоровья Министерства здравоохранения Республики Казахстан, научно-исследовательский Институт Гигиены и Профессиональных заболеваний Министерства здравоохранения Республики Казахстан, Алматинский государственный медицинский институт имени С.Д. Асфендиярова, КазНИИ Онкологии и Радиологии (г. Алматы), Центр охраны здоровья матери и ребенка Минздрава РК, Институт экспериментальной биологии Академии наук РК, Институт кардиологии Министерства здравоохранения РК, Городской клинический иммунологический центр (г. Павлодар). Исследования проводились при активном участии Павлодарского областного управления экологии и биоресурсов, Павлодарского областного отдела здравоохранения [7, Л.4-9].

Углубленным медицинским обследованиям в 1990-1991 годах были подвергнуты 6712 человек в Майском, Лебяжинском и Иртышском районах. Анализ показал, что 75,4 % взрослого населения имели или имели хронические заболевания, 20 % имели риск возникновения патологии, при этом 59,5% населения имели 4-6 и более заболеваний. У 90-100 % детей и свыше 50 % взрослых наблюдался дефицит клеточного иммунитета, у 74 % был снижен уровень гемоглобина [6, Л.63-64].

Кроме того, как указано в рекомендациях научно-практической конференции «Здоровье населения и экологическая обстановка в г. Семипалатинске и Семипалатинской области», «неосведомлённость населения о результатах дозиметрического контроля

за местностью и влиянии радиации на здоровье людей, действии сейсмического фактора постепенно усиливали психо-эмоциональное напряжение и страх среди жителей Семипалатинской области, прилегающих областей и Алтайского края» [6, Л.9].

Верховный Совет СССР в ноябре 1989 года поручил правительству рассмотреть вопрос о закрытии полигона. На первой сессии в Алма-Ате обновлённый Верховный Совет Казахской ССР проголосовал за постановление, поддерживающее требование населения республики. В результате народного движения в Основной Закон страны была внесена статья о запрещении производства и испытаний оружия массового уничтожения на территории республики. 29 августа 1949 года на Семипалатинском ядерном испытательном полигоне прогремел первый взрыв и 29 августа 1991 года был издан Указ Президента Казахской ССР «О закрытии Семипалатинского ядерного полигона». 18 декабря 1992 года был принят Закон Республики Казахстан «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском испытательном ядерном полигоне».

«Казахстан, который закрыл полигон, отказался от ядерного оружия, помог вздохнуть свободно всему человечеству», – сказал Н. Назарбаев в интервью японскому информационному агентству «Киодо Цусин» в ноябре 2016 года [8]. Позиция Казахстана по отношению к ядерному оружию и ядерным испытаниям стала основой для дальнейшего формирования положительного имиджа государства. Закрытие Семипалатинского полигона – одно из важнейших событий на пути Казахстана к независимости. Беспрецедентный акт закрытия ядерного полигона принес Казахстану признание на мировой арене.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Государственный архив Павлодарской области (ГАПО). Ф.1800. Оп.1. Д.31. Л.1.
- 2 ГАПО. Ф.646. Оп.1с. Д.1а. Л.74.
- 3 ГАПО. Ф.646. Оп.2с. Д.6. Л.87-94.
- 4 ГАПО. Ф.646. Оп.3с. Д.15. Л.62.
- 5 Баянаульский филиал ГАПО. Ф.60. Оп.1. Д.2. Л.1-3.
- 6 ГАПО. Ф.646. Оп.19. Д.4154а.
- 7 ГАПО. Ф.1800. Д.29. Л.4-9.
- 8 Левина Ф. Казахстан помог вздохнуть свободно всему человечеству. – Казахстанская правда. – 2022. – 18 октября.

FTAMP 03:20

<https://doi.org/10.48081/RCYM6438>

Ә. Қ. Омар

Торайғыров университет, Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.
e-mail: nilya.omar@mail.ru

МЕРЗІМДІ БАСЫЛЫМДАР АРҚЫЛЫ ӨТКЕНДІ ТАНУ

Бұл мақалада «Астана ақшамы» газетінде жарық көрген Қайып ханның III Ахмет сұлтанға жазған хаттары талданып, онда Осман империясының сұлтандарымен жүргізілген дипломатиялық байланыстар мен стратегиялық әріптестік жөнінде жазылған. Сонымен қатар Кенесары хан тарихи тұлға ретінде ақылды қайраткер, саясаткер болғаны айтылады. Бұған қоса, «Қазақ газетінің» құрылымы мен мақсаты жөнінде баяндалады.

Кілтті сөздер: Қазақ хандығы, Қазақ ханы, Қайып Мұхаммед хан, Оспан империясы, «Астана ақшамы» газеті, Кенесары хан, «Қазақ тілі» газеті.

Тарихты зерттеу барысында әртүрлі дереккөздер рөл атқарады. Солардың ішінде мерзімді басылымдар газеттер мен журналдар тарихты зерттеуде маңызды жазба дереккөздерінің бірі болып табылады. Олар қоғамдық, саяси, экономикалық және мәдени үрдістерді нақты уақытында көрсету арқылы тануға мүмкіндік береді. Газет-журналдағы материалдар арқылы зерттеуші тек фактілерді ғана емес, сол кезеңдегі көзқарастарды, пікірталастарды, қоғамның жағалықтарды қабылдау деңгейін де анықтай алады.

Сонымен қатар мерзімді басылымдар өз уақытының хроникасы ретінде ерекше маңызға ие. Онда оқиғалардың нақты даталар, орын алған географиялық аймақтары, қатысушы тұлғалары мен жағдайлары көрсетіледі. Бұл деректер тарихшыға оқиғалардың себеп-салдарын жан-жақты талдауға, тарихи үрдістердің қайта қалпына келтіруге мүмкіндік береді.

Атап айтар болсақ, - Қазақ ханы Қайып Мұхаммедке жолданған сұлтан хатының көшірмесі (1713 жылғы 21 тамыз);

- Қазақ ханы Қайып Мұхаммед жолдаған он бөлек сый-сияпат тіркелген дәптердің көшірмесі (1713 жылғы 21 тамыз);

- Қазақ ханы Қайып Мұхаммедтің елшісі Сейіт Мұхаммедқұл бей тапсырған хаттың аудармасының көшірмесі (1714 жылдың 16 қаңтары);

- Қазақ ханы Қайып Мұхаммедтің елшісі Мұхаммед құлдың ауызша сәлемінің қағазға түсірілген нұсқасы (1714 жылдың 16 қаңтары);

- Қазақ ханы Қайып Мұхаммедтен келген көшірмесі (хатта Османлы мемлекетінің шыныайы досы екендері, әр дайып дұға ететіндері туралы жазылған, 1716 жылғы 14 желтоқсан) және басқа да құнды құжаттар бар.

III. Ахмет сұлтан өз заманында отаршыл Ресейдің ортаазиялықтарға ықпалын азайтуды көзделген тұлға болса, қазақ ханы Қайып билікке келген жылдары (1715) шығыстан - жонғар, онтүстіктен - Хиуа Коқан, солтүстіктен ресейлік басқыншылар жерімізге көз алартқан қызын заман болатын. Осындағы алмағайып жылдары Қайып хан Тәукеұлы түрік сұлтанына жазған бірінші хатты зерттеуші-шығыстанушы И.В. Ерофеева Түркия мұрағатынан (Архив Османской империи. Топкапы Сарайи. Name-I Humayun 251.T. 12.) алып, осман-турік тілінің маманы Т.Бейсембиеваның қатысуымен орысшаланған көрінеді [1, 186.]

1-сурет – Қайып Мұхаммед ханның Осман патшасынан әскер (көмек) сұрап елшісі Мұхаммед Құрбанбек арқылы жіберген хаты, 1724 . (1125 хижра ж.с.).

Османлы Ұлттық мұрағаты.
Араб тілінде. Қөшірме. КР ҰЛТТЫҚ

Арас тұндеге. Көшірме. № 41178
архиві. 83 қор. I (жал.) тіз. 401 іс

Қазақ хандығының билеушілөрі де
Осман империясының сұлтандарымен
дипломатиялық байланыста болып,
стратегиялық әріптестік ретінде қарым-
қатынасты ұстап отыруға күш салды.
Еліміз тәуелсіздік алғалы тарихтағы
ақтандақтарымыздың беті ашылып,
зерттеушілер алыс-жақын шетелдердің
архивтерінен қазақ мемлекетіне қатысты
құжаттарды тауып, жарыққа шықкан.

2-сурет – Осман империясы әмірінің Қайып Мұхаммед ханға оңтүстік Түркістан мемлекетінің бейбітшілік пен тыныштығын

сақтау туралы жазған хаты. 1726 ж. (1120 хижра ж.с.). Осман тілінде. Көшірме. ҚР Ұлттық архиві. 83 қор. I (жал.) тіз. 402 іс

Онда хат иесі мәртебелі сұлтаннан Қазақ хандығы мен Мәскеу мемлекеті арасындағы өскери қақтығыстарға көмек қолын созып, әдіктасуды үсынады [1, 206].

Ал хаттың қазақша мағынасын белгілі
фотограф, жазушы-журналист Бекен
Хайратұлы «Астана ақшамы» газетінде
2019 жылдың 5 қарашасында жарияланған
болатын.

Ал хаттың қазақша мәтіні мынандай:
Екі қасиетті қаланың (Мекке мен Медина)
қызметшісі, жер мен теңіз қаһаны,
қаһардың қаһаны Ахмет хан сұлтанды билік
пен ерлік, өрлік пен әділеттілік, даңқ пен
дайрымдылық нұрландырады, дініміздің
шыныңайы сәруары-ұлы билеуші орданың
жеке даңқты әрі жоғары Осман-хан әулетінің
пайықты әрі мақтаулы ізбасарының даңқын
татулық пен келісім, ақкөнділік пен
ынтымақтастық айшықтайды [1, 186.].

Бұл жарияланым тек қана бір ҳаттың измұнын аша қойған жоқ, сонымен бірге әкілжыныздың өткен өмірі мен хандық дәүірге қатысты құжаттардың маңызын тағы да дәлелдеп берді. Мерзімді басылымдарда жарық көрген осындай материалдар тарихи мұраларды жаңаша пайымдауға, көпшілікке қолжетімді етуге және үлттық тарихтың кемелденуіне септігін тигізеді.

Кенесарының ақылды қайраткер, сарабдал саясаткер екендігін мына хатынан көруге болады: «Атамыз Абылай ханнан бері біз орыс жұрттымен бір туысқан адамдай шату-тәтті өмір сүріп келе жатыр едік, тек Сібір губернаторының адамдары маза бермегендіктен, амалсыз соғысуға мәжбүр болдық... Ал сіздің жеріңізге келуімізben өш уақытта да Россияға қас болмағанымды житқым келеді және менің осы сөзімді коғары жаққа жеткізуінді өтінемін» [2].

Қазақ хандығы құрылуы, нығайюы туралы деректер. Хандардың басқа шелдермен сыртқы саяси байланыстары. Хандардың хаттары, қазіргі танда шетелдік мөрттеулер бойынша есептік құжаттар ғылыми айналымға еніп отыр. [3, 756.]

Осылайша мерзімді басылымдар
арқылы өткенді тану қоғамның тарихи
санасын қалыптастыруда маңызды орын
алады.

Атап айтар болсақ, XX ғасырдың алғашқы жылдары саяси толқулармен ерекшеленеді. 1919 жылдың

3-сурет – «Қазақ тілі» газетінің бірінші беті.

Сурет Семей қаласындағы Тарихи
өлкетану мұражайының Сирек
қолжазбалар қорынан алынды

Газеттің сыртқы бәзендерілүіне назар аударсақ, алғашқы бетінің дәл ортасында «Қырғыз газеті» деген жазу, ал төменгі тұсында басылым атауы және «Қырғыз сөзі» деген орысша баламасы берілген. Беттің оң жақ жоғары бөлігінде «Қазақ тілі» деген атау араб әрпімен жазылған. Бұл сол кезеңдегі орыстар тараапынан кең тараған «қырғыз» деген қате этнонимге білдірген іштей наразылықтың белгісіндей әсер қалдырады.

Басылымның «Қазақ тілі» деп аталауда айрықша мазмұн жатыр. Газеттің не себепті дәл осылай аталғанын оның редакция алқасы мынандай түсініктеме арқылы ашып көрсетеді: Елдің ел болып қалыптасуы үшін халықтың қандай қажеттілігі, қандай мұнды мен кемшілігі барын, не нәрсе оған тиімді немесе тиімсіз екенін, өзге жүртта қандай жағдайлар орын алып жатқанын біліп отыру керек.

Мұның бәрін түсінуге көмектесетін басты құрал - газет. Әркім бұл құралды өз мұратына пайдалануға тырысады. Газетке бір ғана адам емес, елдің әр қызырынан көптеген адамдар жазатындықтан, халық үшін маңызды мәселелердің шешімін табуға жол ашылады. Сондықтан газетті оку, тындау, оған пікір білдіру - жұрт үшін орасан зор пайда әкеледі. Қысқасы, газет - кедей мен еңбекші бұқарасының құралы. Еңбекші жастар! Өз құралдарыңды өз иігіліктерің пайдаланбай қарап

отырмандар, заман мұңы көтермейді, ояныңдар» – деп түсіндіреді [4, 276.].

Осыдан-ақ «Қазақ тілі» газетінің негізгі мақсаты халықтың мұн - мұқтажын жеткізу, оның талап тілегіне қызмет ету болғанын аңғаруға болады. Газет бұқарамен етепе араласып, өзіне жүктелген міндеттерді орындауға ұмтылған басылым ретінде қалыптасты. Бұл басылым өз дәүіріндегі саяси - әлеуметтік ахуалды, қазақ қоғамының рухани ізденістерін, ұлт ретінде қалыптасу жолындағы күресін айқын көрсеткен ақпараттық халықтың даусын жеткіzetін басылым болды.

Корытындылай келе мерзімді басылымдар өткенді танудың маңызды дереккөзінің бірі. Олар белгілі бір кезеңдегі саяси – әлеуметтік жағдайды, ой пікір мен сол уақыттағы қазақ халқының рухани тынысын дәл көрсетеді. Әрбір басылымда жарық көрген материалдар сол ғасырдың болмысын шынайы түрде жеткізіп, тарихтың нақты көрінісін сақтап қалады. Осы деректер арқылы біз бұрынғы дәүір кезеңдерін жан - жақты түсініп, өткеннің шындығын бүгінгі күнмен байланыстыра аламыз.

ПАЙДАЛАНҒАН ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1 М. Н. Отарбаев. «Ұлы Дала мұрасы». Қолжазбалар және сирек кітаптар ұлттық орталығы. Ғылыми көшілік журнал. «Қайып ханың III Ахмет сұлтанға жазған хаттары әлі де зерттеуге зәру». – ISSN 2221-8521 |/2021(IX)

2 «Хан Кене – халық қаһардың рәмізі»: Айқын газеті. – [Электронды ресурс]. – <https://www.aikyn.kz/278585/han-kene-halyk-k-aharynun-r-mizi>

3 Н. А. Ережепов. «Ұлы Дала мұрасы» ғылыми-танымдық журналы. «Шетелдік архив құжаттарын зерттеу: тәжірибе және тағылым» – 2019. – № 17514. – 102 6.

4 Ж. Болдыков. «Ұлы Дала мұрасы». Қолжазбалар және сирек кітаптар ұлттық орталығы. – «Қазақ тілі газетінің шығу тарихы» – 2019. – № 17514. – 90 6.

5 Қазбалинов Т. «Ядрамның жәрдемі» қала тарихында ұмытылмайтын із қалдырды: Семей таңы. – 4 сәуір, – 2003.

*С. Ж. Садыков¹, З. Ш. Айткенов²

¹Торайгыров университет, Республика Казахстан, г. Павлодар,
²Павлодарский педагогический университет имени Элке Марғұлан,
 Республика Казахстан, г. Павлодар

*e-mail: shakenova@list.ru

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА КАЗАХСКОГО ХАНСТВА

В статье рассматривается эволюция правовой системы Казахского ханства с XV по XVIII века. Особое внимание уделяется влиянию Ясы Чингисхана, Сборника законов Касыма хана и «Жеті Жарғы» Тауке хана. Исследование направлено на выявление преемственности и оригинальности казахского права, его роли в формировании национальной правовой культуры. В работе применены историко-правовой, сравнительно-исторический и системный методы анализа. Научная новизна заключается в комплексной оценке взаимодействия традиционного адата и кодифицированных форм права в контексте развития казахской государственности.

Ключевые слова: Казахское ханство, обычное право, Яса Чингисхана, Жеті Жарғы, би, хан, судебная система, правовая культура, ханская власть.

Правовая система Казахского ханства представляет собой уникальное явление в истории Центральной Азии, где нормы обычного права сочетались с институтами ханской власти. Формирование казахского права происходило в условиях становления государственности, объединения родоплеменных объединений и укрепления политического центра – ханской власти [1].

В отличие от европейских систем, основанных на писанных кодексах, казахское право существовало преимущественно в устной форме и базировалось на адате – совокупности традиций и норм, регулирующих общественные отношения [2]. Важную роль в его становлении сыграли кодификационные акты – Яса Чингисхана, «Қасым ханның қасқа жолы» и «Жеті Жарғы», которые стали этапами в развитии национальной правовой культуры.

Цель исследования – раскрыть особенности формирования и развития правовой системы Казахского ханства и показать её значение для казахстанской правовой традиции.

Задачами исследования стали определение влияния Ясы Чингисхана на зарождение казахского права; характеристика сводов законов Касыма и Тауке ханов; анализ основных институтов и принципов казахского обычного права; определение элементов научной новизны и преемственности в развитии правовой системы ханства.

Методологической основой работы являются историко-правовой и сравнительно-исторический методы, позволяющие рассмотреть эволюцию права через взаимодействие адата, ханской власти и религиозных норм. Применён также системный подход, который даёт возможность оценить казахскую правовую систему как целостный социально-нормативный механизм, формирующий общественный порядок и легитимность власти.

Историко-сравнительный метод позволил установить преемственность между монгольским правом и казахской правовой традицией, а культурно-антропологический подход – рассмотреть

функционирование правовых норм в повседневной жизни общества.

Зарождение Казахского ханства в XV веке стало результатом длительных социально-политических процессов на территории Дешт-и-Кыпчака. Формирование новой государственности требовало создания устойчивых правовых механизмов, регулирующих отношения внутри общества и определяющих принципы власти. В этом контексте значительное влияние оказала правовая традиция Монгольской империи, выраженная прежде всего в «Ясе» Чингисхана. Яса представляла собой сложный нормативно-правовой свод, включающий как нормы обычного права кочевников, так и политико-административные положения, созданные для управления огромной и многоэтнической империей. Ее элементы, претерпев адаптацию и трансформацию, стали важной частью правовой культуры народов Центральной Азии, включая казахов, и оказали заметное влияние на дальнейшее государственно-правовое развитие и формирование правовой системы Казахского ханства.

Яса Чингисхана традиционно рассматривается не как единый письменный кодекс, а как совокупность норм, выработанных и закреплённых при Чингисхане и его ближайших преемниках [3]. Основу Ясы составляли:

1. Военно-административные нормы, регулирующие дисциплину в войске, порядок несения службы, ответственность за нарушение частной и государственной собственности.

2. Социально-правовые нормы, касающиеся брака, семьи, наследования, кровной мести, отношений между родами и племенами.

3. Нормы о государственной структуре, определяющие подчинённость улусов, обязанности наместников и систему налогов.

Яса сочетала традиции тюрко-монгольского степного права (торе) и политические механизмы имперской власти. Одной из ключевых идей Ясы была абсолютная преданность хану как верховному правителю, чья власть считается сакральной. Таким образом, формировалась централизованная модель управления, значимая для будущего казахского государствастроения.

После распада Монгольской империи во второй половине XIII–XIV вв. территории, где позднее возникнет Казахское ханство, входили в состав Улуса Джучи. Здесь Яса продолжала функционировать в различных формах. В улусах Чингисидов она служила правовой основой легитимации власти, обеспечивая преемственность политических институтов [4].

К XIV–XV векам произошло взаимодействие Ясы с местными формами обычного права (адат). Это привело к формированию новой правовой среды, где нормы Ясы: частично закрепляли социальную иерархию, регулировали военную и политическую организацию общества, определяли статус рода как базовой ячейки социума.

Именно в этом синтезе – Ясы и тюркского обычного права – возникла правовая база, на которой позднее утвердилось право Казахского ханства.

При формировании Казахского ханства (середина XV века) особую роль сыграла идея чингизидской легитимности. Право на ханскую власть мог иметь только потомок династии Чингисхана. Это правило восходит непосредственно к Ясе, где власть хана рассматривалась как божественно предопределённая. Таким образом власть Жанибека и Керея, основателей ханства, была признана законной именно благодаря их чингизидскому происхождению; продолжилась традиция создания улусов и разделения территорий между наследниками; система хан – султаны – бии частично повторяла монгольскую модель управления.

Кроме того, важным элементом явилось сохранение принципов военной демократии, при которой хан должен был учитывать мнение знати и влиятельных родов, что также было характерно для периода действия Ясы.

В дальнейшем в Казахском ханстве правовая система развивалась на основе адата, однако значительная часть его норм содержала элементы Ясы.

Таким образом, Яса Чингисхана оказала существенное влияние на политическое и правовое развитие Казахского ханства. Она обеспечила:

- легитимность чингизидской власти;
- основу для формирования управленических структур;

- правовые принципы социального регулирования и взаимоотношений внутри кочевого общества.

Синтез Ясы и местного обычного права сформировал уникальную правовую систему, определившую характер казахской государственности на многие столетия. Важно подчеркнуть, что влияние Ясы проявлялось не в сохранении конкретных правовых статей, а в закреплении фундаментальных политico-правовых принципов, ставших краеугольным камнем организации власти, системы права и социальной структуры Казахстана.

Формирование правовой системы Казахского ханства в XVI веке было связано с необходимостью регулирования взаимоотношений внутри быстро расширяющегося государства. Одним из ключевых этапов в этом процессе стало создание свода законов Касыма хана, известного под названием «Қасым ханың қасқа жолы». Данный правовой кодекс стал первым систематизированным сводом норм в истории казахской государственности, оказав значительное влияние на дальнейшее развитие казахского обычного и государственного права. Он представлял собой результат консолидации норм адата, политических принципов тюрко-монгольского кочевого права и отдельных правовых традиций эпохи Чингисхана [5].

Касым хан (1511–1523 гг.) пришёл к власти в период расширения территории Казахского ханства и формирования стабильных политических институтов. При нём территория ханства достигла значительных размеров – от Жетысу до Урала, а численность подданных, по свидетельствам источников, превышала миллион человек. Такая масштабность требовала укрепления единой правовой системы, способной регулировать:

- межплеменные отношения,
- систему военного управления,
- вопросы собственности и семейно-брачных норм,
- порядок правосудия и разрешения споров.

До принятия свода Касыма хана правовые нормы основывались преимущественно на адате – традиционном обычном праве тюркских кочевников. Однако недостаточная системность адата в условиях растущей государственности требовала кодификации и унификации

норм. Поэтому Касым хан упорядочил наиболее значимые правовые институты, интегрировав их в единую структуру.

Традиционно свод Касыма хана подразделяют на пять основных разделов, охватывающих ключевые сферы общественной и политической жизни:

По оценке Кляшторного и Султанова, свод Касыма хана являлся сочетанием правовых традиций Ясы Чингисхана и глубинных механизмов казахского родового права [6].

Особое внимание уделялось механизму разрешения конфликтов, основанному на институте бия как профессионального судьи. Решения биев базировались на принципах общественной справедливости, старшинства рода и установленных precedентах. Это обеспечивало гибкость правоприменения и адаптацию норм к конкретным ситуациям.

Принятие свода законов Касыма хана имело глубокие последствия для казахской государственности. Оно способствовало укреплению единства ханства. Наличие общих правовых норм создавало условия для политической интеграции родов и племён, что было важно для кочевого социума с выраженной родовой структурой [7]. Произошла легитимация центральной власти. Свод закрепил ведущую роль хана как гаранта правопорядка и военного лидера. Несмотря на сохранение военной демократии, власть хана получила нормативное обоснование.

Стало наблюдаться становление правовой традиции казахского государства. «Қасым ханың қасқа жолы» стал фундаментом для последующих правовых сводов: «Есім ханың ескі жолы» (XVII в.), «Тәуке ханың Жеті жарғысы» (конец XVII – начало XVIII в.).

Эти правовые системы продолжили развивать заложенные Касым ханом принципы – приоритет общественного согласия, сохранение родовой иерархии и верховную роль ханской власти [4].

Свод законов Касыма хана «Қасым ханың қасқа жолы» стал важнейшим этапом в формировании правовой системы Казахского ханства. Он придал структуру и устойчивость общественным отношениям, обеспечил легитимность центральной власти и стал основой дальнейшего развития казахского права. Именно благодаря данному своду правовая культура казахского общества приобрела

законченность и внутреннюю целостность, что способствовало укреплению государственности и сохранению единства казахского народа в условиях внешних вызовов и внутреннего развития.

Конец XVII–начало XVIII века стало периодом серьёзных политических и социально-экономических испытаний для Казахского ханства. Усиление джунгарской угрозы, внутренние межродовые конфликты и ослабление центральной власти требовали обновления правовой системы и укрепления единства ханства. В этих условиях Тәуке хан (1680–1718 гг.) провёл масштабную правовую и политическую реформу, результатом которой стал свод законов, известный как «Жеті жарғы». Данный правовой кодекс закрепил основы общественного порядка, отрегулировал систему судопроизводства и стал важнейшим этапом в развитии казахского права [5].

Период правления Тәуке хана характеризуется необходимостью консолидации разрозненных родов и укрепления вертикали власти. После усиления межплеменных распреи роль хана нуждалась в нормативном обосновании. Опираясь на авторитет традиционных институтов – биев и родовой знати – Тәуке хан инициировал кодификацию обычного права.

Составителями и идеологическими разработчиками свода стали известные бии степи Толе би (Старший жуз), Қазыбек би (Средний жуз), Эйтеке би (Младший жуз). Бии выступали хранителями precedента права (адата) и обладали высоким авторитетом как арбитры, что обеспечило признание свода среди всего казахского общества.

Название свода переводится как «Семь установлений» или «Семь основных положений», что отражает его внутреннюю структуру. Основные нормы регулировали следующие сферы:

Земельно-родовые отношения и кочевое пространство.

Устанавливались порядок распределения кочевых пастбищ, водных точек и охотничьих земель. Земля рассматривалась как коллективная собственность рода [8].

Уголовное право и наказания. Определялись наказания за убийство, разбой, кражу, нарушение клятвы. Основным институтом оставался құн –

денежный или имущественный выкуп за убийство члена рода.

Военная организация общества. Закреплялся всеобщий вооружённый характер племенной общины, обязанности батыров и порядок сбора ополчения в условиях внешней угрозы.

Семейно-брачные отношения. Регулировались институты қалың мал, әменгерлік (пережитки левиратного брака), наследование имущества и статус женщин в семье.

Судопроизводство и роль биев. Система биев становилась основой судебской практики. Их решения строились на принципах справедливости, авторитета традиции и общественного согласия.

Порядок управления ханством. Хан рассматривался как верховный правитель, но его власть уравновешивалась советом сultанов и биев, что сохраняло принципы военной демократии.

Таким образом, «Жеті жарғы» представляет собой завершённую систему обычного права, где наказания и нормы поведения были направлены на поддержание баланса между интересами рода, общины и государственности.

Принятие «Жеті жарғы» сыграло важную роль в укреплении политической структуры ханства. Стабилизация общественных отношений.

Единый свод норм смягчил межплеменные конфликты и обеспечил общее понимание права в масштабах всего ханства [5]. Легитимация власти хана.

Тәуке хан выступил гарантом соблюдения правопорядка, что усилило его авторитет и способствовало централизации. Сохранение культурной преемственности. «Жеті жарғы» продолжил традиции «Қасым ханың қасқа жолы» и «Есім ханың ескі жолы», тем самым сформировав непрерывную линию развития казахского права [4]. Укрепление идентичности казахского народа. Правовой кодекс закрепил ценности общинной солидарности, уважения к ханской власти и роли биев – элементы, ставшие символом культурной целостности.

Несмотря на отсутствие письменно зафиксированной полной версии свода, его нормы передавались через традицию биев и оставались основой судопроизводства вплоть до XIX века.

«Жеті жарғы» Тауке хана является важнейшим памятником политico-правовой мысли казахского общества. Он обеспечил баланс между традиционными нормами степной демократии и потребностями централизованного государства. Этот свод укрепил единство ханства в условиях внутренних и внешних вызовов, сохранил культурную преемственность и стал завершающим этапом формирования классической правовой системы Казахского ханства.

Результаты исследования

Научная новизна работы состоит в системном рассмотрении правовой системы ханства как многослойного явления, где кочевой образ жизни, тюркско-монгольское наследие и исламские нормы образовали уникальную модель регулирования общественных отношений.

Результаты исследования показывают, что:

– Казахское право представляло гибкую систему норм, адаптируемую к социальным изменениям;

- Яса Чингисхана послужила фундаментом для ранних норм, но получила гуманизированное развитие в казахской среде;

- «Қасым ханның қасқа жолы» стал первым примером правовой кодификации, направленным на консолидацию государства;

- «Жеті Жарғы» завершил процесс формирования национальной правовой системы, обеспечив единство судебной практики и укрепление правосознания.

Выводы

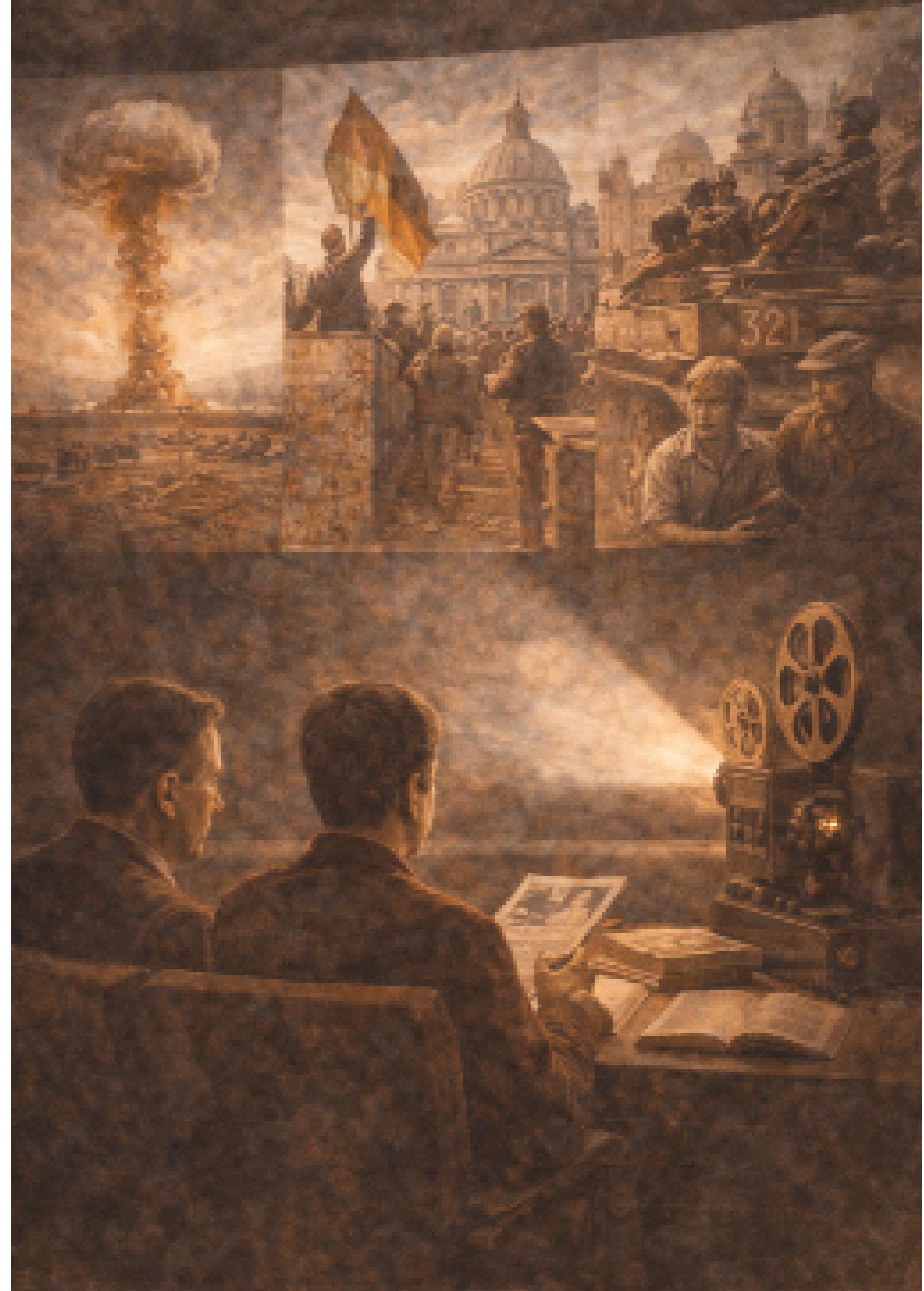
Правовая система Казахского ханства была результатом синтеза традиционного адата, ханской власти и моральных принципов степного общества. Она обеспечивала устойчивость кочевой цивилизации, способствовала поддержанию справедливости и общественного порядка.

От Ясы Чингисхана до «Жеті Жарғы» казахское право прошло путь от военных установлений к гуманистической правовой культуре, основанной на общественном согласии. Эта эволюция отражает

формирование национального правового сознания, что делает правовую систему Казахского ханства важным этапом в истории казахстанской государственности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Абдильдин, Ж. М. Историко-правовые традиции казахского народа. – Алматы: Наука, 2004. – 254 с.
- 2 Тынышпаев, М. История казахского народа. – Алматы: 1993. – 57 с.
- 3 Бартольд, В. В. Сочинения. Т. 5: Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 189 с.
- 4 Султанов, Т. И. Казахское ханство и его дипломатия в XV-XVII вв. – Алматы: Қазақ университеті, 2001. – 280 с.
- 5 Абдрахманов, А. М. История государственности и права Казахстана. – Алматы: Жеті Жарғы, 2013. – 320 с.
- 6 Кляшторный, С. Г., Султанов, Т. И. Казахи: история и культура. – Алматы: Санат, 1992. – 368 с.
- 7 Гумилёв, Л. Н. Древние тюрки. – М.: Восточная литература, 2002. – 476 с.

Ф. А. Шакарова

Торайгыров университет, Республика Казахстан, г. Павлодар

e-mail: 03fati2303@gmail.com

КИНОМАТОГРАФ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК О СОБЫТИЯХ ЗА РУБЕЖОМ

Актуальность исследования. Кинематограф, возникнув как форма развлечения, давно трансформировался в мощный инструмент культурной памяти, играющий ключевую роль в формировании и трансляции исторического сознания. В эпоху, когда визуальный контент доминирует, именно художественные фильмы зачастую становятся для массовой аудитории первым, а порой и единственным, источником знаний о событиях прошлого. Однако фильмы – это не просто «ожившие» учебники; они представляют собой визуальные исторические нарративы, неизбежно пропущенные через призму авторской интерпретации идеологического заказа и требований драматургии. Таким образом, возникает насущный вопрос: насколько кино пригодно в качестве исторического источника, особенно когда речь идет о сложных и болезненных событиях за рубежом, где национальные взгляды на конфликт могут диаметрально расходиться. Кино становится чаще всего не только интерпретацией самого события, но и особого взгляда чьей-либо стороны. В данной статье разберутся взгляды на всемирно масштабные конфликты, которые нашли отражение в кинематографе.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать репрезентацию трех ключевых, не связанных между собой зарубежных исторических событий – Войны в Югославии, эпохи Крестовых походов и Национального сопротивления в Польше времён Второй мировой – в художественном кино, и оценить потенциал кинематографа как исторического источника в каждом из этих контекстов. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) классифицировать фильмы по степени их близости к исторической фактографии; 2) выявить основные темы, ракурсы и авторские интерпретации событий; 3) определить, как кинематограф разных стран отражает эти события, сравнивая «внутренний» и «внешний» взгляд на конфликт.

Обзор источников (фильмов) в качестве иллюстративного материала и основных «источников» для анализа в статье будут рассмотрены следующие киноленты, представляющие собой различные подходы к исторической драме: Война в Югославии: «Ничья земля» [No Man's Land, 2001] и «Красивые деревни красиво горят» (Lepa sela iero gore, 1996). Крестовые походы: «Царство небесное» [Kingdom of Heaven, 2005] и «Арн: Рыцарь-тамплиер»

[Arn: Tempelriddaren, 2007].

Ключевые слова: потенциал кинематографа, масштабные события, болезненные события, визуальный контент.

Особенности конфликта и его кинематографическая сложность.

Война в Югославии является одним из самых трагических и сложных конфликтов новейшей истории. Разворачиваясь на глазах у мирового сообщества, она стала примером жесточайшей этнической и религиозной розни, результатом которой стало исчезновение целого государства. Кинематографическая фиксация этих событий обладает особой сложностью: конфликт слишком недавний и болезненный, чтобы получить единую, общепризнанную интерпретацию. Фильмы о Югославии часто являются не столько объективным историческим свидетельством, сколько психологическим документом и политическим высказыванием со стороны той или иной этнической группы. Анализируя эти картины, историк должен искать не столько хронологическую точность, сколько отражение коллективной травмы и попытку осмыслить бессмысленность даже через субъективные взгляды братоубийственной войны. Война в Югославии унесла за собой множество жизней, в том числе и гражданских. Характер конфликта «братоубийственной войны» отразился в том, что некогда народы, жившие под эгидой «братьства и единства» стали враждебны друг к другу так сильно, что ненависть стала почвой для развития идеи национализма, ксенофобии, ненависти на почве религиозных взглядов. Это вылилось в итоге во множественные этнические чистки, которые подтвердились международным трибуналом ООН, который после окончания конфликта ещё 15 лет занимался расследованием и выносом приговоров для военных преступников. Говоря об ООН, следует сказать, что мнение о миротворцах, присутствовавших на территории войны в Боснии она же бывшая Югославия, слишком сильно рознятся. К примеру многие политики стран конфликта выразились о миротворцах негативно доказывая их бесполезность, что также отразилось в кинематографе. О данном конфликте сложилось множество взглядов на фоне того, что война в Югославии является одной из самых кровопролитных и самой жестокой на территории Европы после Второй Мировой войны. Картины кинематографа, разобранные в данной статье, отражают разные

взгляды, не использующие методы политизирования к какой-либо стороне конфликта, а наоборот порой очерняя все стороны конфликта или выражение сарказма в сторону одной из сторон.

Фильмы, фокусирующиеся на абсурде и трагедии. К примеру, можно назвать фильм «Красивые села горят красиво», который был вдохновлен статьей сербского журналиста Вани Булича, демонстрирующей картину с сербской стороны. В данном фильме отсутствует какое-либо навязывание политической идеи, а скорее имеет место отражение бессмыслицы войны. Фильм от лица главных героев показал, что внутри одной стороны был раскол между характерами коммуниста титоиста, хиппи, спекулянта, занимавшегося незаконным бизнесом и традиционалиста из дальнего села, который имеет грани ксенофобии. Данная картина отражает боль и переживания обычных людей из разных социальных слоёв, которые, оказавшись вместе в ловушке войны, демонстрируют реальное участие общества в конфликте. Фильм показывает не только образ доблестных патриотов, но и подчёркивает, что на войне сражались самые обычные люди — такие же, как и мы.

Кроме того, в фильме раскрыты воспоминания и внутренние размышления главных героев, которые со временем осознают бессмыслицу и безрассудство происходящего. Эти сюжетные линии позволяют глубже понять природу конфликта и раскрывают сущность термина «братоубийственная и бессмысличная война».

Используя данный фильм как источник, мы можем подтвердить историческую информацию, содержащуюся в материалах военных журналистов и репортёров того времени, которые публиковали свои наблюдения непосредственно в период вооружённого конфликта. Такой сопоставительный анализ усиливает достоверность выводов и помогает сформировать более полное представление о трагедии войны.

Опираясь на экспертные оценки, можно вспомнить негативную реакцию международного сообщества на деятельность миротворцев ООН, которых критиковали за уход из анклава Сребреница. Именно после их отступления произошла этническая чистка, в ходе которой были

убиты около восьми тысяч боснийских мусульман. Этот эпизод стал символом низкой эффективности миротворческого контингента в условиях тяжелейшего кризиса. Данная тема нашла отражение в фильме «Ничья земля», где критика направлена не столько на воюющие стороны, сколько на деятельность ООН, ее внутренние процедуры и ограниченные полномочия. В результате недостаточной эффективности миротворцев в фильме погибают главные герои – солдаты противоборствующих армий, случайно оказавшиеся вместе в одной траншее. Картина также показывает военное преступление – «минирование погибшего», который впоследствии оказывается жив. Благодаря такому художественному отражению зрители получают возможность осмысливать мотивы совершения подобных преступлений, при этом сам фильм не оправдывает насилие, а побуждает к критическому анализу.

Кинематография поднимает и важные социальные темы. Одна из них – невозможность личного счастья на фоне межэтнического конфликта. Это ярко представлено в фильме Анджелины Джоли «В краю мёда и крови», где на фоне политического противостояния развивается история двух людей, чьим отношениям препятствуют ненависть между этносами, война и разрушение привычных социальных институтов. Картина демонстрирует глубину социального кризиса, когда политическая и этническая рознь оказываются сильнее человеческих чувств и стремления к созданию семьи.

Оба фильма являются значимыми источниками для источниковедения и анализа конфликтов, поскольку основаны на данных репортажей BBC, CNN и других международных СМИ. Они экранизируют такие исторические реалии, как военные преступления, нарушения прав человека, существование лагерей для военнопленных, проявления ксенофобии, а также социальные последствия войны для обычных людей. Эти киноленты позволяют глубже понять природу конфликтов, механизмы насилия и его влияние на судьбы людей.

Благодаря проанализированным выше фильмам можно утверждать, что они представляют собой ценное дополнительное источникование для

изучения зарубежных вооружённых конфликтов. Несмотря на то, что эти картины являются художественными, а не документальными, они позволяют зрителю сформировать общее представление о событиях, раскрывая разнообразные аспекты конфликта – от внутренних политических процессов до социального дисбаланса и гуманитарной ситуации. Используя такие фильмы как иллюстративный материал, исследователь может сопоставлять их содержание с данными официальных источников, отчёты международных организаций, журналистскими репортажами и академическими исследованиями, уточняя или дополняя представление о событиях югославской войны.

В то же время важно учитывать субъективность художественных картин. Политизированные акценты, избыточный гуманизм, усиление эмоционального накала или, наоборот, упрощение отдельных эпизодов могут исказить восприятие исторической реальности. Художественное кино стремится воздействовать на чувства зрителя, поэтому отдельные сцены могут быть драматизированы или адаптированы ради эмоционального эффекта, что иногда приводит к преувеличению роли отдельных героев или к сужению общей перспективы конфликта. Именно поэтому зрителю и исследователю важно сохранять критический подход: сопоставлять показанные события с фактами, отделять художественные элементы от исторически подтверждённых данных, внимательно анализировать контекст фильма.

Подводя итог, можно отметить, что кинематограф, посвящённый югославскому конфликту, является достаточно надёжным вспомогательным источником, позволяющим увидеть быт участников войны, особенности социальной среды, политические противоречия, причины и динамику событий. Однако ценность этих фильмов возрастает только при условии их критического анализа и сопоставления с объективными источниками, что делает их значимым, но не самостоятельным элементом исторического исследования.

Крестовые походы – это серия религиозных военных экспедиций XI–XV веков, организованных и направляемых Латинской церковью против мусульман, язычников и еретиков. Основной целью

походов был захват и установление контроля над территориями современной Палестины и Израиля, прежде всего над Иерусалимом, который европейские монархии трактовали как «освобождение Святой земли». Средневековая Западная Европа отличалась глубокой религиозностью, феодальной раздробленностью и постоянными внутренними и внешними конфликтами. На этом фоне Крестовые походы стали наиболее масштабным и продолжительным военным и идеологическим явлением, объединившим значительную часть Европы под единым знаменем и оказавшим огромное влияние на последующее развитие как западной, так и восточной цивилизаций.

Идеологические и социальные особенности конфликта.

Крестовые походы имели прежде всего мощную религиозную основу. Они представлялись как «Священная война» против «неверных», направленная на освобождение Иерусалима и Гроба Господня. Папство использовало теологическую концепцию войны как средства спасения души, обещая участникам полное отпущение грехов (индульгенции). Это превращало участие в походах не только в военную миссию, но и в духовный подвиг, что стало главным мотивом для огромного числа европейцев.

Однако за религиозными лозунгами скрывались и вполне прагматичные цели. Европейские власти стремились решить ряд накопившихся социальных и политических задач. Одной из них была политическая консолидация: папство стремилось укрепить собственный авторитет как верховного лидера христианского мира и повысить свое влияние над европейскими монархами. Кроме того, для феодалов и рыцарства Крестовые походы представляли возможность выхода из состояния перенаселённости и недостатка земель, получения новых территорий и богатств, а также повышения социального статуса.

Таким образом, Крестовые походы стали сложным явлением, в котором религиозные убеждения переплетались с политическими интересами, социальными напряжениями и экономическими мотивами, отражая многогранность средневекового мировоззрения и структуры общества.

Итальянские города-государства (Венеция, Генуя) видели в походах

возможность для установления контроля над средиземноморскими торговыми путями. Земельный вопрос: Феодалы и младшие сыновья рыцарских родов, испытывавшие нехватку земли в перенаселённой Европе, видели в Востоке возможность для приобретения новых владений и богатства. Состав участников был крайне пёстрым:

Рыцари и бароны: Основная ударная сила, которая несла ответственность за военные действия и учреждала на Востоке Крестоносные государства.

Духовенство: Идеологические вдохновители, проповедники и организаторы сбора средств.

«Простой народ»: Крестьяне, ремесленники и бедняки, которые присоединились к движению из религиозного рвения и отчаяния, надеясь найти спасение или лучшую долю вдали от европейских невзгод (например, в стихийных движениях, как Крестовый поход бедноты). Средневековые конфликты, благодаря своему масштабу и драматизму, являются идеальной основой для киноэпика. Однако при переносе этих событий на экран возникают серьёзные проблемы, связанные с необходимостью совместить историческую достоверность с требованиями массовой культуры и зрелищности. Огромная временная дистанция между эпохой Крестовых походов и современным кинематографом (XI век против XXI века) делает аутентичное изображение событий практически невозможным. Создателям приходится тратить огромные ресурсы на реконструкцию, но избежать анахронизмов (несоответствий в вооружении, архитектуре, мировоззрении) крайне сложно. Часто костюмы, доспехи и боевые сцены отражают не реалии Средневековья, а идеализированные представления XX века. Вместо того, чтобы опираться исключительно на сложные и часто противоречивые исторические документы, киноэпик предпочитает работать с культурными мифами. Массовое сознание романтизировало эпоху, создав идеальный образ благородного, безупречного рыцаря. Кинематограф эксплуатирует этот миф, упрощая моральные дилеммы конфликта до борьбы «абсолютного Света» (европейцы или «хорошие» мусульмане) и «абсолютной Тьмы» (варварские

и азиатские народы, монголы и т.д.). Киноэпик стремится к ясному различию добра и зла, героя и злодея, правды и лжи, света и тьмы. Но реальность конфликта гораздо сложнее и противоречивее. Крестовые походы были не только военным конфликтом, но и религиозным движением, политическим проектом, социальным экспериментом. Их результаты были не только военные победы и поражения, но и политические, социальные и культурные изменения, оставившие глубокий след в истории Европы и мира.

захватчики или фанатики). Это ведёт к исказению исторического процесса и игнорированию неоднозначности мотивов и действий реальных исторических фигур. Жанр киноэпика диктует главное условие: зрелищность. Требуются масштабные, эффектные батальные сцены, харизматичные герои и простая, понятная зрителю драматургия. В результате упрощается Мораль – сложные военно-политические конфликты, вызванные феодальными интересами, торговыми войнами и теологическими спорами, сводятся к личному героизму или предательству.

Исажается Контекст: Экономическая подоплётка, социальная напряжённость и внутренняя политика участников либо опускаются, либо служат лишь фоном для личной драмы главного героя.

Стереотипизация Образов: Часто происходит стереотипизация как европейских крестоносцев (как фанатиков или, наоборот, идеалистов), так и их оппонентов-мусульман (как диких орд или мудрых, но экзотических правителей). Таким образом, киноэпик выполняет функцию не строгого исторического исследования, а культурного комментария, отражающего современные взгляды на войну, веру и межкультурные отношения, используя Средневековье как грандиозную, но упрощённую декорацию.

Кинематограф, обращаясь к теме Крестовых походов, неизбежно балансирует между требованиями исторической достоверности, потребностями жанра киноэпика и формированием актуального общественного комментария. Два значимых примера – «Царство небесное» и «Арн: Рыцарь-тамплиер» – демонстрируют кардинально разные подходы к изображению средневекового конфликта, романтизируя его или, наоборот, приземляя.

Фильм Ридли Скотта «Царство небесное» (США/Великобритания, 2005) является ярким представителем современного исторического киноэпоса, который использует средневековый конфликт для обсуждения современных идей о межрелигиозной терпимости и конфликте. Главная идея режиссера заключается в противопоставлении фанатизма и прагматичного гуманизма, делая эту тему центральной, а не просто исторической декорацией.

Изображение ключевых фигур Балиан Ибелинский (Balian of Ibelin). В фильме Балиан изображен как идеализированный, просвещенный герой – образец светского, гуманистического рыцаря. Он воплощает концепцию «Царства небесного» как места мирного сосуществования. Его мотивы не религиозные, а этические: защита не веры, а людей. Это изображение является значительной романтизацией исторической фигуры, чья реальная деятельность была более привязана к феодальной политике (Madden, 2006).

Саладин (Saladin): Мусульманский султан представлен как образцовый правитель, воплощающий рыцарскую честь и великодушие (особенно в сцене передачи Иерусалима и гарантирования безопасного выхода). В его образе подчеркивается благородство и мудрость, что служит прямым контрастом европейским фанатикам. Эта трактовка соответствует сложившейся в западной культуре тенденции к идеализации Саладина как «достойного противника».

Болдуин IV (Baldwin IV, Прокаженный Король): Король представлен как последний оплот разумного компромисса и мира. Его мудрость и трагическая судьба символизируют обреченность идеи терпимости перед лицом религиозного фанатизма (за которым стоят такие персонажи, как Ги де Лузиньян и Рено де Шатильон).

Скотт смещает фокус с религиозной догмы на светскую этику. Его Иерусалим до падения – это утопия, где мир поддерживается договоренностями, а не верой. Кульминацией идеи становится знаменитая сцена передачи города, когда Саладин отдает захваченную христианскую реликвию, символизируя уважение к чужой вере. Режиссерская версия фильма, расширяющая мотивы персонажей и усложняющая политическую канву, многими критиками признана более «историчной» (или, по крайней мере, более юансирующей) по сравнению с сокращенной прокатной версией, поскольку она глубже раскрывает конфликты внутри христианского лагеря.

«Арн: Рыцарь-тамплиер» (Arn: Tempelriddaren, 2007) Шведский фильм «Арн: Рыцарь-тамплиер» (Швеция, 2007), основанный на романах Яна Гилю, предлагает альтернативный, скандинавский/европейский взгляд на Крестовые походы.

европейский взгляд на Крестовые походы. Этот подход отличается меньшей голливудской помпезностью и большей сосредоточенностью на повседневной жизни, быте и мотивах отдельного рыцаря.

Фокусировка на Повседневности и Мотивах

Герой Арн Магнуссон. Фильм фокусируется на судьбе одного человека, ставшего тамплиером в наказание за запретную любовь. Это позволяет зрителю увидеть Крестовые походы не как глобальный эпик, а как череду личных испытаний и жертв.

В отличие от «Царства небесного», где тамплиеры представлены исключительно как фанатики, «Арн» показывает их как комплексную организацию, в которой служат разные люди. Основное внимание уделяется суровому быту и военной подготовке членов Ордена.

Скандинавский Ракурс: Фильм включает сцены, происходящие в средневековой Швеции, показывая, как война на Ближнем Востоке переплеталась с внутренней политикой и становлением нации на Севере Европы. Это уводит фокус от классического франко-английского восприятия конфликта, делая повествование более камерным и культурно специфичным. Мотивы Арна – это искупление и выполнение долга, а не высокие идеалы гуманизма, что более соответствует средневековой этике.

Таким образом, если «Царство небесное» является модернизированной, гуманистической романтизацией конфликта, то «Арн: Рыцарь-тамплиер» представляет собой более приземленный, сосредоточенный на быте и личных мотивах рыцаря-тамплиера взгляд. Оба фильма демонстрируют, что кинематограф использует средневековую историю как средство для выражения современных идей и культурных рефлексий, а не как простое историческое воспроизведение.

Кинематограф, обращаясь к теме Крестовых походов, неизбежно балансирует между требованиями исторической достоверности, потребностями жанра киноэпика и формированием актуального общественного комментария. Два значимых примера – «Царство небесное» и «Арн: Рыцарь-тамплиер» – демонстрируют кардинально разные подходы к изображению средневекового конфликта, романтизируя его или, наоборот, приземляя.

Классика Жанра и Романтизация: «Царство Небесное»

Фильм Ридли Скотта «Царство небесное» (США/Великобритания, 2005) является ярким представителем современного исторического киноэпоса, который использует средневековый конфликт для обсуждения современных идей о межрелигиозной терпимости и конфликте. Главная идея режиссера заключается в противопоставлении фанатизма и прагматичного гуманизма, делая эту тему центральной, а не просто исторической декорацией. В фильме Балиан Ибелинский изображен как идеализированный, просвещенный герой – образец светского, гуманистического рыцаря, чьи мотивы не религиозные, а этические: защита не веры, а людей. Это является значительной романтизацией исторической фигуры. Саладин, мусульманский султан, представлен как образцовый правитель, воплощающий рыцарскую честь и великодушие (особенно в сцене передачи Иерусалима), что соответствует сложившейся в западной культуре тенденции к его идеализации как «достойного противника». Болдуин IV (Прокаженный Король) выступает как последний оплот разумного компромисса и мира, а его трагическая судьба символизирует обреченность идеи терпимости перед лицом религиозного фанатизма. Скотт смещает фокус с религиозной догмы на светскую этику, представляя Иерусалим как утопию до падения. Кульминацией идеи становится знаменитая сцена передачи города. Режиссерская версия фильма, расширяющая мотивы персонажей и усложняющая политическую канву, многими критиками признана более «историчной» (или, по крайней мере, более юансирующей) по сравнению с сокращенной прокатной версией, поскольку она глубже раскрывает конфликты внутри христианского лагеря.

Альтернативные Ракурсы: «Арн: Рыцарь-тамплиер» (Arn: Tempelriddaren, 2007). Шведский фильм «Арн: Рыцарь-тамплиер» (Швеция, 2007) предлагает альтернативный, скандинавский/европейский взгляд на Крестовые походы.

Этот подход отличается меньшей голливудской помпезностью и большей сосредоточенностью на повседневной

жизни, быте и мотивах отдельного рыцаря. Фильм фокусируется на судьбе одного человека, Арна Магнуссона, ставшего тамплиером в наказание за запретную любовь. Это позволяет зрителю увидеть Крестовые походы не как глобальный эпик, а как череду личных испытаний и жертв. В отличие от «Царства небесного», где тамплиеры часто представлены как фанатики, «Арн» показывает их как комплексную организацию, акцентируя внимание на суровом быте и военной подготовке членов Ордена. Скандинавский ракурс включает сцены, происходящие в средневековой Швеции, показывая, как война на Ближнем Востоке переплеталась с внутренней политикой и становлением нации на Севере Европы. Мотивы Арна – это искупление и выполнение долга, а не высокие идеалы гуманизма, что более соответствует средневековой этике. Таким образом, если «Царство небесное» является модернизированной, гуманистической романтизацией конфликта, то «Арн: Рыцарь-тамплиер» представляет собой более приземленный, сосредоточенный на быте и личных мотивах рыцаря-тамплиера взгляд. Оба фильма демонстрируют, что кинематограф использует средневековую историю как средство для выражения современных идей и культурных рефлексий, а не как простое историческое воспроизведение.

Синтез результатов. Кино – это субъективный источник. Кинематографические произведения, посвященные средневековым конфликтам, таким как Крестовые походы, являются сложным культурным феноменом, который требует критического источниковедческого подхода. Обобщая анализ особенностей средневекового конфликта (его религиозной подоплеки и состава участников), его презентации в киноэпосе (на примере «Царства небесного» и «Арна: Рыцаря-тамплиера») и присущих ему ценностей и ограничений, можно сделать ключевой вывод, который определяет методологическую роль кино в изучении истории:

Кино – это субъективный источник, который отражает не только само историческое событие, но и отношение к нему, доминирующее в момент создания фильма.

Исторический киноэпос балансирует на грани между визуальным образованием и художественным вымыслом, что требует от исследователя глубокого понимания его двойственной природы.

Главным ограничивающим фактором является субъективность и неизбежный моральный анахронизм. Кино неизбежно проецирует современные этические нормы, политические взгляды и культурные тревоги на прошлое. Это наиболее ярко проявляется в: Идеализации Героев и Контрастах: Персонажи подвергаются либо сильной идеализации (например, Балиан Ибелинский как просвещенный гуманист в «Царстве небесном»), либо демонизации (фанатичные тамплиеры). Такая монохромность искажает реальную историческую мотивацию, которая в Средневековье была глубоко укоренена в феодальной политике и религиозной догме. Телеологическом Исказении: Внесение в средневековый контекст идей межрелигиозной терпимости и светского гуманизма является продуктом эпохи Просвещения и современности, а не XII века. Средневековое мышление было глубоко теологично, и любая терпимость обычно являлась результатом политического pragmatизма, а не морального выбора, основанного на гуманизме. Этот моральный анахронизм деформирует понимание менталитета людей той эпохи. Драматическое Упрощение и Культурный Комментарий.

Потребность в зрелищности и динамизме, необходимых для коммерческого успеха киноэпоса, ведёт к неизбежному упрощению и драматизации исторического процесса. Сложные политические интриги, экономические причины и долгие военные кампании компрессируются во времени и сводятся к личным конфликтам, героическим поединкам и понятной зрительской эмоции. История превращается в сценарий, где факты подчинены законам драматургии. Более того, различия между фильмами, снятыми в разных культурных традициях, демонстрируют, что кино является культурной рефлексией. Американский киноэпос («Царство небесное») склонен к глобалистскому, гуманистическому повествованию (Madden, 2006), в то время как европейский («Арн: Рыцарь-тамплиер») часто предлагает более камерный,

сосредоточенный на быте и личном искуплении взгляд.

Учитывая эти особенности, исторический киноэпос не может выполнять функцию строгого академического источника. Однако он приобретает другую, не менее важную роль. Киноэпос служит эмоциональным и культурным историческим документом. Он является не столько достоверным отчётом о прошлом, сколько свидетельством о восприятии, мифах и моральных дилеммах современного общества в отношении войны, веры, мультикультурализма и героизма. Кинематограф использует Средневековье как грандиозную, но адаптированную декорацию для обсуждения актуальных проблем, тем самым фиксируя состояние общественной мысли и культурные стереотипы своего времени. Использование таких фильмов в образовании и исследованиях требует

Фильмы «Ничья земля» и «Царство небесное» представляют собой ценные кейсы для изучения того, как искусство интерпретирует и сохраняет память о зарубежных конфликтах, давая представление о происходящем всему миру. Фильмы «Ничья земля» (No Man's Land, 2001) и «Царство небесное» (Kingdom of Heaven, 2005) представляют собой исключительно ценные кейсы для изучения того, как искусство интерпретирует, осмысливает и сохраняет память о зарубежных конфликтах, выполняя функцию передачи представлений о происходящем (как прошлом, так и недавнем) всему миру. Эти киноленты, несмотря на кардинальные различия в жанре, хронологии и географии (современный конфликт на Балканах против средневековых Крестовых походов), объединяют общую миссию: они используют художественные средства для преодоления дистанции и вовлечения глобальной аудитории в понимание человеческой драмы и политической сложности, стоящих за историческими событиями.

Кинематограф, особенно в жанре драмы («Ничья земля») и эпоса («Царство небесное»), действует как мощный эмоциональный медиатор. Фильм «Ничья земля» (Танович, 2001) не просто рассказывает историю боснийской войны; он через абсурдистский юмор и

личную трагедию двух солдат показывает бессмысленность и парадоксы конфликта, в который вовлечены трети стороны (миротворцы ООН). Это не сухой политический анализ, а экзистенциальное высказывание, которое эффективно передаёт мировому зрителю чувство тупика и неразрешённости, характерное для межэтнических войн. В этом смысле, он становится актуальным культурным документом, фиксирующим взгляд на конфликт в момент его осмысления.

С другой стороны, «Царство небесное» (Скотт, 2005) интерпретирует давно ушедший средневековый конфликт. Фильм использует исторические события (падение Иерусалима) для ведения современного диалога о межрелигиозной терпимости, фанатизме и цене мира. Он представляет героев, таких как Балиан Ибелинский и Саладин, как носителей просвещённых, гуманистических ценностей, что, безусловно, является историческим анахронизмом. Однако именно этот моральный анахронизм делает его ценным кейсом: он демонстрирует, как современное общество (особенно после событий 11 сентября) стремится переосмысливать исторические конфликты между Западом и Востоком, используя их как предостережение и призыв к диалогу (Madden, 2006). Хранение Памяти и Визуализация. Оба фильма служат важным инструментом хранения исторической памяти и визуализации. «Царство небесное» через масштабные декорации и батальные сцены даёт зрителю наиболее доступное визуальное представление о материальной культуре и вооружении Средневековья, привлекая внимание к этому периоду. «Ничья земля», в свою очередь, сохраняет память о недавней трагедии, которая могла быть вытеснена из глобального информационного поля, фокусируя внимание на ее гуманитарном аспекте и роли внешних сил. Таким образом, киноэпос и военная драма, обращаясь к за рубежным конфликтам, выполняют критически важную функцию: они не только популяризируют факты, но и формируют эмоциональное восприятие этих событий в глобальном масштабе, интерпретируя прошлое через призму современных морально-этических и политических дилемм.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 **Madden, T. F.** The New Concise History of the Crusades. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers. (Используется для сравнения исторического Балиана с кинообразом). – 2006.
- 2 **Tobin, Y.** Kingdom of Heaven (Director's Cut). Film History, 2007. – С. 69–75. (Анализ режиссерской версии и ее исторического контекста).
- 3 **Madden, T. F.** The New Concise History of the Crusades. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers. (Используется для сравнения исторического контекста Крестовых походов с его киновоплощением). – 2006. – С. 34.
- 4 **Rosenstone, R.A.** Visions of the Past: The Challenge of Film to Our Idea of History. Cambridge, MA: Harvard University Press. (Ключевая работа по методологии анализа исторических фильмов и проблеме анахронизмов). 1995. – С. 99.
- 5 **Burns, R. C.** Film and History: An Introduction. Blackwell Publishing. (Общее руководство по анализу кино как исторического источника и его ограничений). 2006. – С. 57.
- 6 Ничья земля / No Man's Land. Реж. Данил Танович. — Франция, Босния и Герцеговина, Италия, 2001.
- 7 Царство небесное / Kingdom of Heaven. Реж. Ридли Скотт. — США, Великобритания, Испания, Германия, 2005.
- 8 Красивые села горят красиво / Lepa sela lepo gore. Реж. Срдан Драгоевич. — Югославия, 1996.
- 9 В краю крови и мёда / In the Land of Blood and Honey. Реж. Анджелина Джоли. — США, 2011.

Ф. А. Шакарова

Торайгыров университет, Республика Казахстан, г. Павлодар

e-mail: 03fati2303@gmail.com

КИНО КАК ОЛИЦЕТВОРЕННИЕ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Художественное кино Советского Союза, особенно созданное в период «оттепели» и «застоя», представляет собой не просто культурное наследие, но и бесценный источник, отражающий историю советской повседневности. Эти фильмы, избегая излишней патетики и плакатной идеологии, запечатлевали детали быта, моду, социальные установки, жилищные условия и трудовые отношения, которые формировали жизнь миллионов граждан. Четыре культовые картины – «Москва слезам не верит» (1979), «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (1965), «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» (1975) и «Служебный роман» (1977) – служат своего рода «энциклопедией» советского образа жизни. Жилищная проблема была одной из ключевых тем в советском обществе, и кинематограф детально отразил её эволюцию и социальное расслоение.

Ключевые слова: оттепель, застой, жилищные условия, образ жизни, социальное расслоение.

Фильм «Москва слезам не верит» наглядно демонстрирует, как менялся быт москвичей на протяжении двух десятилетий, показывая в начале фильма жизнь «лимиты» – молодых людей в коммунальных квартирах и общежитиях. Эти интерьеры подчеркивают скромность, тесноту и совместное проживание, типичное для молодежи того времени. Коммуналка с ее общим коридором, кухней и неизбежными конфликтами отражает условия начала «хрущевской оттепели» [1 час 12 минута 55 секунда]. К финалу фильма статус главной героини Катерины меняется, и её квартира в сталинском доме становится символом личного и профессионального успеха. Просторные комнаты, высокие потолки, паркет, хорошая мебель – всё это олицетворяет достижения и достаток для советского человека. Напротив, «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» делает жилищный вопрос центральным элементом сюжета, обыгрывая концепцию типового строительства. Центральная тема фильма – ирония массовой застройки,

когда в разных городах СССР появлялись одинаковые дома, улицы и даже внутреннее убранство квартир, что символизировало не только доступность жилья, но и своего рода обезличивание городской среды [17 минута 44 секунда]. Интерьер квартиры Нади представляет собой «мягкий, интеллигентный уют» 1970-х: довольно дорогая мебель, хрусталь, книги. В новелле «Напарник» из фильма «Операция «Ы» повседневность отражена через призму стройки нового жилого района, что указывает на масштабное жилищное строительство в период «оттепели», когда активно возводились «хрущевки».

Трудовая жизнь была стержнем советской повседневности, и комедии Эльдара Рязанова особенно точно запечатлели атмосферу и особенности советских учреждений. «Служебный роман» – это энциклопедия советского рабочего быта середины 1970-х, сосредоточенная вокруг сотрудников статистического учреждения. Фильм показывает мир советской бюрократии – серое здание, кабинетные интерьеры, заставленные бумагами. Сама работа, связанная со статистикой, отражает суть плановой экономики. Главным источником

повседневного отражения является мода и внешний вид сотрудников. Людмила Прокофьевна Калугина, в начале фильма, представляет собой карикатуру на деловую женщину, а её преображение подчеркивает, что даже в строгой рабочей среде внешний вид и уход за собой остаются важными для советской женщины. Фильм фиксирует нормы поведения того времени, например, курение прямо на рабочем месте, что было обычным явлением в 1970-е годы. В «Москва слезам не верит» карьерный путь Катерины с рабочей на заводе до директора крупного предприятия иллюстрирует социальный лифт и возможности для женщины в советском обществе. Фильм демонстрирует веру в то, что личным трудом и упорством можно достичь высокого положения, даже будучи матерью-одиночкой. Советские фильмы насыщены сценами, показывающими, как граждане проводили свободное время, и какие социальные установки преобладали. Фильм «Ирония судьбы» неразрывно связан с одним из самых ярких ритуалов советской повседневности – походом в баню 31 декабря, который был важным мужским ритуалом, символизирующим очищение и переход к новому году. Новогоднее застолье, демонстрация дефицитных продуктов, шампанское, телевизионная программа – всё это точно воспроизводит атмосферу главного советского праздника. Лирические песни под гитару являются отражением культуры советской интеллигенции 1970-х. В новеллах «Наваждение» и «Операция «Ы»» [33 минута 45 секунда] фокус смещается на студенческий быт и «общественную нагрузку», показывая реалии студенческого быта – посещение лекций, сдачу экзаменов, а также демонстрируя идею общественной работы и борьбы с «тунеядством». Фильм Меньшова делает акцент на женской дружбе и проблеме материнства-одиночества. Отношения трёх подруг являются символом ценности дружбы и взаимовыручки в суровых условиях большого города, а сюжетная линия Катерины затрагивает острую социальную проблему матерей-одиночек в послевоенном СССР. Невозможно говорить о советской повседневности без упоминания дефицита и его влияния на моду и потребление. В «Служебном романе» Верочка выступает как главный эксперт по моде, а её диалоги, например, о том, что «сапоги надо брать»,

указывают на то, что модная одежда и обувь были товаром дефицитным, который приходилось «доставать» [12 минута 6 секунда]. Мода и интерьеры напрямую отражают социальный статус героинь. Людмила в «Москве слезам не верит» судит о людях по их внешнему виду и возможности попасть в номенклатурные круги, что указывает на иерархию потребления. В 1970-х Катерина уже может позволить себе стильный деловой костюм, что соответствует её высокому положению и доступу к качественным товарам. Таким образом, советские художественные фильмы, такие как «Москва слезам не верит», «Операция «Ы»», «Ирония судьбы» и «Служебный роман», являются уникальными историческими документами. Они выходят за рамки простого развлечения, предоставляя зрителю достоверные, эмоционально окрашенные и часто юмористические свидетельства о жилищных условиях, работе, досуге, моде и социальных установках советской эпохи. Эти картины не только отражают историю, но и формируют коллективную память о том, как жили, любили и работали люди в СССР.

Алексей Балабанов выступает в отечественном кинематографе как радикальный антипод той уютной, ностальгической и по-своему наивной советской повседневности, которую мы видим у Рязанова или Меньшова, ведь если советские комедии создавали миф о счастливом быте и светлом будущем, то кинематограф Балабанова вскрывает изнанку этого мифа, показывая процесс гниения и распада советской империи через призму бытия «маленького человека». В его фильмах, особенно в картине «Груз 200», которая является квинтэssенцией балабановского взгляда на поздний СССР, повседневность предстает не как фон для героических свершений или лирических драм, а как вязкая, засасывающая субстанция, определяющая сознание и судьбу героев. Балабановская эстетика быта – это эстетика умирания, где материальный мир кричит о духовной пустоте, а окружающая действительность лишена всякого лоска, являя зрителю «честную», по мнению режиссера, но шокирующую правду о жизни в провинциальном индустриальном тупике [47 минута 60 секунда]. Ключевым

инструментом погружения в эту специфическую повседневность становится визуальное решение картин и, в частности, цветокоррекция, которая у Балабанова всегда работает на создание ощущения болезненности и безысходности. В отличие от теплых, «ламповых» тонов «Москва слезам не верит», мир Балабанова окрашен в трупно-зеленые, грязно-желтые, серобурные и выцветшие оттенки, напоминающие цвета застоявшейся воды или старых, отсыревших обоев. В «Грузе 200», действие которого происходит в 1984 году, цветовая гамма намеренно лишена жизни, она словно покрыта налетом индустриальной копоти и пыли, что физиологически передает зрителю ощущение холода, затхлости и неуютности. Этот «цвет тоски» проникает повсюду: в обшарпанные подъезды, в кабинеты милиции, в квартиры, где даже свет электрических ламп кажется тусклым и болезненным, не разгоняющим тьму, а лишь подчеркивающим убожество обстановки.

Такая цветокоррекция не просто стилистический прием, а философское утверждение: в этом мире нет места солнцу и надежде, здесь царит вечная, промозглая осень цивилизации. Окружение и интерьеры в фильмах Балабанова играют роль немых свидетелей деградации, и режиссер с маниакальной точностью воспроизводит фактуру советского быта, но выбирает из неё самые неприглядные детали. Если в «Служебном романе» мы видели опрятные учреждения и уютные квартиры интеллигенции, то Балабанов заводит зрителя в тесные, захламленные «хрущевки» с облупившейся краской на дверных косяках, чугунными батареями и свисающей со стен проводкой [59 минута 34 секунда]. Это мир коммунального ада, где интимное пространство отсутствует как таковое, а быт сведен к примитивному выживанию. Особое внимание уделяется деталям, создающим «эффект присутствия»: грязная посуда в раковине, дешевая водка на столе, засаленная одежда героев, однотипная советская мебель, которая выглядит старой уже в момент покупки. В «Брате», который хоть и повествует о 90-х, но всецело существует в декорациях советского наследия, Петербург предстает не как культурная столица, а как проходной двор с темными арками, грязными рынками и гулкими лестничными клетками. Это пространство

давит на человека, оно враждебно ему, превращая его существование в бесконечное преодоление сопротивления среды. Индустриальные пейзажи – дымящие трубы заводов, серые бетонные заборы, пустыри, заваленные мусором – становятся визуальной метафорой тупика, в котором оказалось советское общество на излете своего существования. Философия бытия граждан в этой вселенной глубоко трагична и нигилистична, ведь Балабанов показывает людей, из которых вынули стержень идеологии, но не дали ничего взамен, оставив их наедине с пустотой. Персонажи «Груза 200» – это фантомы, механически выполняющие социальные ритуалы: профессор научного атеизма, не способный ответить на вопрос о природе зла, милиционер-маньяк, воплощающий абсолютную власть и безнаказанность системы, и обыватели, живущие по инерции, не замечая ужаса, творящегося вокруг [23 минута 35 секунда].

Балабановская повседневность лишена Бога, и это отсутствие ощущается физически; герои действуют в нравственном вакуме, где насилие становится обыденностью, а равнодушие – защитной реакцией. В этом мире нет четкого разделения на добро и зло, есть лишь право сильного и фатализм жертвы. Бытие советского человека здесь показано как состояние глубокого сна или транса, где никто не несет ответственности за происходящее, а жизнь человеческая не стоит ничего, что символически подчеркивается образом «груза 200» – цинковых гробов с погибшими в Афганистане, которые прибывают в страну, продолжающую жить своей серой, обыденной жизнью. Особое место в отражении повседневности занимает тема «маленького человека», трансформированного советской действительностью в существо, лишенное воли и субъектности, или, наоборот, превратившегося в монстра. Балабанов показывает, как теснота быта, отсутствие перспектив и тотальная ложь государства деформируют психику. В квартире, где происходит одна из самых жутких сцен «Груза 200», бутылки из-под алкоголя соседствуют с портретами вождей и телевизором, транслирующим бодрые концерты советской эстрады, и этот контраст между официальной картинкой и реальным ужасом бытия создает

мощнейший диссонанс. Режиссер не осуждает своих героев, он скорее фиксирует их состояние как патологию, показывая, что их жестокость, апатия и алкоголизм – это закономерный продукт той среды, в которой они обитают. Даже в фильме «Брат» Данила Багров – это продукт советского воспитания и постсоветского распада, герой, ищущий правду с обрезом в руках, потому что легальные институты и моральные нормы, декларируемые обществом, давно рухнули. Его знаменитый свитер крупной вязки, купленный на рынке, плеер с русским роком, трамвайные пути, по которым он бесконечно путешествует – всё это атрибуты новой, ноглубокоукорененной в советском прошлом повседневности, где уют заменен на функциональность, а безопасность – на готовность к насилию. Звуковое пространство балабановских фильмов также является неотъемлемой частью портрета повседневности: скрип дверей, гул заводов, шум ветра, и, конечно, музыка, которая звучит не как саундтрек, а как голос эпохи, доносящийся из старых магнитофонов и радиоприемников. Песни «Наутилуса» или советская эстрада («Плот» Юрия Лозы в «Грузе 200») контрапунктом накладываются на мрачный визуальный ряд, создавая жуткий эффект: веселая или лирическая мелодия звучит на фоне насилия и безысходности, подчеркивая сюрреализм происходящего. Это отражает шизофреничность сознания позднего советского человека, живущего одновременно в мире лозунгов о «всеобщем счастье» и в мире тотального дефицита и скрытой агрессии. Балабанов мастерски использует фактуру времени, показывая, как вещи – одежда, транспорт, посуда – стареют и умирают вместе с эпохой. В его кадрах нет глянца, но есть пугающая осозаемость: зритель буквально чувствует запах дешевого табака, перегара и сырости, исходящий от экрана. Таким образом, кинематограф Алексея Балабанова реконструирует советскую повседневность не через ностальгию, а через эзистенциальный ужас, обнажая скелет системы, скрытый под слоями пропаганды и привычки. Это бытие, пропитанное ожиданием конца, где люди живут в декорациях, которые давно обветшали, и следуют правилам, которые утратили смысл. Его фильмы – это документ эпохи, но не парадный,

а изъятый из архивов криминальной хроники или подсознания травмированного общества. Философия этого бытия заключается в тотальном одиночестве человека перед лицом безжалостного космоса русской истории, где государство – это Левиафан, а квартира – не крепость, а ловушка. Балабановская «чернуха», как её часто называют критики, на самом деле является формой предельного реализма, попыткой докопаться до сути «русской души» в условиях социального распада, и именно поэтому его отражение советской повседневности, пусть и пугающее, кажется таким болезненно узнаваемым и правдивым, заставляя зрителя не просто смотреть кино, а проживать этот травматический опыт вместе с героями.

Подводя масштабный итог исследованию кинематографа как фундаментального источника по истории советской повседневности, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью синтеза двух, казалось бы, взаимоисключающих, но на деле диалектически связанных реальностей, запечатленных на пленке. Анализ произведений «золотого фонда» советского кино, таких как картины Рязанова, Меньшова и Гайдая, в сопоставлении с жестким, демифологизирующим реализмом Алексея Балабанова, открывает перед нами сложнейшую структуру коллективной памяти и исторического опыта. Кино, в отличие от сухих статистических сводок или партийных протоколов, сохраняет нечто большее, чем факты – оно консервирует атмосферу, «воздух» времени, те неуловимые вибрации бытия, которые определяют самоощущение человека в историческом потоке. Таким образом, завершая разговор о кино как зеркале эпохи, мы приходим к пониманию, что истина о советской жизни не лежит посередине между «Иронией судьбы» и «Грузом 200», а охватывает оба эти полюса, создавая стереоскопическую картину цивилизации, находившейся в состоянии мучительного и длительного исторического транзита. С одной стороны, мы видим уютный, структурированный и понятный мир позднего социализма, который сегодня часто становится объектом ностальгии. Фильмы 1960-70-х годов зафиксировали уникальный феномен «советской стабильности», когда быт, несмотря на дефицит и стесненность, был наполнен

смыслом и надеждой. Это история о том, как человек учился быть счастливым в предлагаемых обстоятельствах, создавая свой микрокосм внутри огромной государственной машины. Квартиры в «сталинках» и типовых панельных домах, показанные в «Москве слезам не верит» или «Служебном романе», выступают здесь не просто как жилища, а как крепости частной жизни, куда советский человек сбегал от официоза. Эти фильмы документируют колossalную работу по «одомашниванию» казенного пространства: через хрустальные вазы, ковры на стенах, импортные сервизы и модную одежду люди маркировали свою территорию, утверждая право на индивидуальность в коллективистском обществе. Здесь повседневность предстает как череда маленьких побед: «достать» сапоги, получить повышение, построить любовь. Этот пласт кинематографа отражает витальную силу советского общества, его способность к самоорганизации, дружбе и эмпатии. Мы видим здесь горизонтальные связи, которые часто были сильнее вертикальных властных структур: люди помогали друг другу, договаривались, обменивались услугами, и именно эта теплая, человеческая ткань бытия позволяла системе функционировать. Рязанов и Меньшов показывают нам «советскую мечту» – скромную, но достижимую, где труд вознаграждается, а добро побеждает зло, пусть и в масштабах одного статистического учреждения или завода. С другой стороны, кинематограф Балабанова, работающий с тем же времененным периодом или его наследием, вскрывает изнанку этой мечты, показывая цену, которую общество платило за внешнее спокойствие. Его фильмы выступают как рентгеновский снимок, обнаруживающий скрытые патологии и метастазы социального организма. Если в классических комедиях государство – это строгий, но справедливый родитель (милиция бережет, профком воспитывает), то у Балабанова государство оборачивается хищным Левиафаном, равнодушным или враждебным к «маленькому человеку». Балабановская повседневность – это пространство, где материя разлагается: стены осыпаются, трубы текут, а человеческие души черствуют. Здесь нет места «интеллигентному уюту», здесь царит голая функциональность выживания. Этот взгляд необходим историку не меньше,

чем первый, потому что он объясняет неизбежность краха советской системы. Балабанов показывает, что за фасадом стабильности скрывалась глубокая эзистенциальная пустота, идеологический вакуум, который заполнялся насилием и цинизмом. Его герои – это люди, выпавшие из системы социального обеспечения и моральных координат, обитатели промышленных окраин и мертвых городов, чья повседневность состояла не из поиска дефицитной мебели, а из борьбы с энтропией.

Визуальный ряд его картин, с той самой «трупной» цветокоррекцией, передает физическое ощущение застоя, переходящего в гниение, что является важнейшим эмоциональным документом эпохи заката империи. Объединяя эти два взгляда, мы приходим к выводу, что советская повседневность была глубоко дуалистична, если не сказать шизофренична. Это было общество, живущее по двойным стандартам, где официальная парадность сосуществовала с теневой экономикой и бытовым двоемыслием. Кино запечатлело этот разрыв. В одной реальности люди пели под гитару у елки и верили в светлое завтра, а в параллельной, часто отделенной лишь тонкой стеной «хрущевки», происходила тихая трагедия деградации и безысходности. История повседневности через призму кино учит нас тому, что материальный мир – вещи, интерьеры, одежда – это не просто декорации, а активные участники исторического процесса. Эволюция от коммунального быта к отдельной квартире, от телогрейки к модному плащу, а затем к балабановскому свитеру крупной вязки – это и есть история трансформации сознания. Мы видим, как менялось отношение к труду: от энтузиазма строек в «Операции «Ы» [47 минута 11 секунда] до бюрократической рутины в «Служебном романе» [1 час 20 минута 23 секунда] и полного отчуждения в поздних картинах, где труд теряет всякий созидательный смысл. Мы видим эволюцию гендерных ролей: от традиционных патриархальных укладов к образу сильной женщины-руководителя и, наконец, к полной девальвации семейных ценностей в условиях социального распада. Важнейшим выводом является то, что кино фиксирует не только материальную культуру, но и антропологический тип. «Советский

человек» на экране проходит путь от наивного романтика Шурика, верящего в силу слова и закона, до циничного, но по-своему честного Данилы Багрова, который понимает, что закон не работает, и правда осталась только в силе. Между ними – целая галерея образов: приспособленцы, карьеристы, интеллигенты-мечтатели и сломленные системой обыватели. Эта галерея дает нам понимание того, как исторические жернова перемалывали человеческие судьбы. И Рязанов, и Балабанов, каждый со своей интонацией, говорят об одиночестве человека. В «Иронии судьбы» это одиночество преодолевается чудом встречи, в «Грузе 200» оно становится фатальным приговором. Это позволяет нам сделать вывод о нарастании атомизации общества к концу советского периода: теплые коллективные связи, показанные в ранних фильмах, постепенно истончались, оставляя человека один на один с холодной вселенной распадающегося государства. Таким образом, для исследователя советской повседневности художественное кино является незаменимым источником именно благодаря своей субъективности. Режиссеры не просто отражали реальность, они конструировали мифы, в которых хотели или боялись жить общество. Эти мифы – «золотой век» застоя и «чернуха» распада – стали неотъемлемой частью нашего культурного кода. Изучая их, мы изучаем не только то, как люди ели, пили

и одевались, но и то, чего они боялись, о чем мечтали и как они воспринимали время, в котором им довелось жить. Советская повседневность предстает перед нами как сложнейшая мозаика, где в одном узоре сплелись высокий дух и бытовая неустроенность, имперское величие и убогость провинции, искренняя вера и тотальная ложь. Ни один учебник истории не сможет передать запах той эпохи так, как это делает кадр с запотевшей бутылкой кефира в руках Шурика или мрачный пейзаж индустриальной трубы у Балабанова. В конечном счете, кино свидетельствует о том, что история творится не только в кабинетах вождей, но и на кухнях, в очередях, в переполненных автобусах и прокуренных подъездах. Именно там, в гуще повседневности, формировался тот уникальный исторический опыт, который продолжает влиять на нас и по сей день. Понимание этого опыта невозможно без погружения в кинематографическую вселенную, где каждая деталь – от фасона платья до цвета обоев – говорит с нами на языке ушедшего времени, не позволяя ему окончательно исчезнуть в небытии.

Этот визуальный архив служит напоминанием о том, что повседневность – это и есть самая честная история, лишенная идеологических купюр, история выживания и жизни человеческого духа в любых, даже самых противоречивых обстоятельствах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 «Москва слезам не верит» (1979, реж. Владимир Меньшов). – [Электронный ресурс]. – https://www.kinopoisk.ru/film/46708/?utm_referrer=www.google.com
- 2 «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (1965, реж. Леонид Гайдай). – [Электронный ресурс]. – <https://www.kinopoisk.ru/film/42782/>
- 3 «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» (1975, реж. Эльдар Рязанов). – [Электронный ресурс]. – <https://www.kinopoisk.ru/film/77331/>
- 4 «Служебный роман» (1977, реж. Эльдар Рязанов). – [Электронный ресурс]. – <https://www.kinopoisk.ru/film/43869/>
- 5 «Груз 200» (1984/2007, реж. Алексей Балабанов). – <https://www.kinopoisk.ru/film/259251/>
- 6 «Брат» (1997, реж. Алексей Балабанов). – <https://www.kinopoisk.ru/film/41519/>

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ АҚПАРАТ

Абраев Бейбарыс Нуржанович, Абраев Бейбарыс Нуржанович, **Abraev Beibars Nurzhanovich**, Master's student in the specialty 7M02202 – «Тарих» мамандығы магистрант по специальности 7M02202 – бойынша магистрант, Гуманитарлық – «история», Факультет гуманитарных и социальных наук, Торайғыровский Социальные науки, Торайғыровский Университет, Павлодар қ., 140008, Республика Казахстан, e-mail: basik_1905@mail.ru

Асайнова Карина Жаслановна, Асайнова Карина Жаслановна, студент «Тарих» мамандығы бойынша студент, Гуманитарлық және әлеуметтік ғылымдар факультеті, Торайғыров Университет, Павлодар қ., 140008, Республика Казахстан, e-mail: asainovacarina@yandex.kz

Айткенов Зият Шайманович, тарих ғылымдарының кандидаты, доцент исторических наук, доцент ВШГН, ГФЖМ, Элкей Марғұлан атындағы Павлодарский педагогический Университет имени Элкей Марғұлан, Павлодар қ., 140008, Республика Казахстан, e-mail: tbeisenbi@gmail.com

Бейсенбі Толғанай Азamatқызы, Бейсенби Толғанай Азamatқызы, мамандығы бойынша магистрант, Магистрант по специальности Гуманитарлық және әлеуметтік ғылымдар факультеті, Торайғыров Университет, Павлодар қ., 140000, Республика Казахстан, e-mail: tbeisenbi@gmail.com

Вадим Викторович Вагнер, Тарих мамандығы бойынша магистранты, по специальности «История», Гуманитарлық және әлеуметтік ғылымдар факультеті, Торайғыров Университет, Павлодар қ., 140008, Республика Казахстан, e-mail: vadimvagner2002@bk.ru

Кубик Надежда Александровна, Кубик Надежда Александровна, магистрант, Торайғыров Университет, Павлодар қ., 140000, Республика Казахстан, e-mail: kubikbadezda@mail.ru

Омар Әниля Қаиркельдықызы, Омар Әниля Қаиркельдықызы, **Anilya Kairkeldykyzy Omar**, Masters «Тарих» мамандығы бойынша магистрант по специальности «История», student in History, Faculty of Humanities магистрант, Гуманитарлық және Факультет гуманитарных и социальных and Social Sciences, Toraighyrov әлеуметтік ғылымдар факультеті, науки, Торайғыров Университет, 140008, University, Pavlodar 140008, Republic Торайғыров Университет, Павлодар Республика Казахстан, e-mail: nilya@mail.ru of Kazakhstan, e-mail: omar@mail.ru e-mail: nilya.omar@mail.ru

Садыков Серик Жастулекович, Садыков Серик Жастулекович, **Sadykov Serik Zhastulekovich**, «Тарих» мамандығы бойынша магистрант по специальности «История», Master's degree in «History» Faculty магистрант, Гуманитарлық және Факультет гуманитарных и социальных of Humanities and Social Sciences, әлеуметтік ғылымдар факультеті, науки, Торайғыров Университет, Павлодар Toraighyrov University, Pavlodar, Торайғыров Университет, Павлодар қ., 140008, Республика Казахстан, e-mail: 140008, Republic of Kazakhstan, e-mail: shakenova@list.ru e-mail: shakenova@list.ru

Шакарова Фатима Аскаровна, Шакарова Фатима Аскаровна, магистрант 7M02202 «Тарих» мамандығы по специальности 7M02202 – «история», student in the specialty 7M02202 – «history», Faculty of Humanities and Social Sciences, Toraighyrov University, Pavlodar, бойынша магистрант, Гуманитарлық Факультет гуманитарных и социальных және әлеуметтік ғылымдар факультеті, науки, Торайғыровский Университет, Toraighyrov University, Pavlodar, Торайғыров Университет, Павлодар қ., 140008, Республика Казахстан, e-mail: 140008, Republic of Kazakhstan, e-mail: 03fati2303@gmail.com e-mail: 03fati2303@gmail.com

Нәтижелер және талқылау

Біліктілікті арттыру курсары арқылы әлеуметтік қызметкерлердің жеке және кәсіби құзыреттерін қалыптастыру және дамыту процесінің негізін құрайтын объективті заңдылықтарды түсіну үшін олардың моделін нақты түсіну қажет.

Жарияланатын материал мәтінінің жалгасы...

Қортынды

Осылайша, жоғарыда айтылғандардың негізінде біліктілікті арттыру курсары арқылы әлеуметтік қызметкерлердің жеке және кәсіби құзыреттерін қалыптастырудың теориялық моделі оны жүзеге асырудың үш деңгейін қамтиды деп қорытынды жасауға болады.

Жарияланатын материал мәтінінің жалгасы...

Пайдаланылған деректер тізімі

- 1 Даҳин, А. Н. Педагогическое моделирование : сущность, эффективность и неопределенность [Текст] // Педагогика. – 2003. – № 4. – С. 22.
- 2 Кузнецова, А. Г. Развитие методологии системного подхода в отечественной педагогике : монография [Текст]. – Хабаровск : Изд-во ХК ИППК ПК, 2001. – 152 с.
- 3 Каропа, Г. Н. Системный подход к экологическому образованию и воспитанию (На материале сельских школ) [Текст]. – Минск, 1994. – 212 с.
- 4 Штольф, В. А. Роль моделей в познании [Текст] – Л. : ЛГУ, 1963. – 128 с.
- 5 Таубаева, Ш. Методология и методика дидактического исследования : учебное пособие [Текст]. – Алматы : Казак университеті, 2015. – 246 с.
- 6 Даҳин, А. Н. Моделирование компетентности участников открытого образования [Текст]. – М. : НИИ школьных технологий 2009. – 290 с.
- 7 Даҳин, А. Н. Моделирование в педагогике [Текст] // Идеи и идеалы. – 2010. – № 1(3). – Т. 2 – С. 11-20.
- 8 Даҳин, А. Н. Педагогическое моделирование : монография [Текст]. – Новосибирск : Изд-во НИПКиПРО, 2005. – 230 с.
- 9 Аубакирова, С. Д. Формирование деонтологической готовности будущих педагогов к работе в условиях инклюзивного образования : дисс. на соиск. степ. д-ра филос. (PhD) по 6D010300 – Педагогика и психология [Текст] – Павлодар, 2017. – 162 с.
- 10 Арын, Е. М., Пфефер, Н. Э., Бурдина, Е. И. Теоретические аспекты профессиональной подготовки педагога XXI века : учеб. пособие [Текст]. – Павлодар : ПГУ им. С. Торайгырова; СПб. : ГАФКиС им. П. Ф. Лесгафта, 2005. – 270 р.

References

- 1 Dahn, A. N. Pedagogicheskoe modelirovaniye : suschnost, effectivnost i neopredelennost [Pedagogical modeling : essence, effectiveness, and uncertainty] [Text]. In Pedagogy. – 2003. – № 4. – P. 22.
- 2 Kuznetsova, A. G. Razvitie metodologii sistemnogo podhoda v otechestvennoi pedagogike [Development of the system approach methodology in Russian pedagogy : monograph] [Text]. – Khabarovsk : Izd-vo KhK IPPK PK, 2001. – 152 p.
- 3 Karopa, G. N. Sistemnyi podhod k ekologicheskemu obrazovaniu i vospitaniu (Na materiale selskikh shkol) [The systematic approach to environmental education and upbringing (Based on the material of rural schools)] [Text] – Minsk, 1994. – 212 p.
- 4 Shtoff, V. A. Rol modelei v poznanii [The role of models in cognition] [Text] – L. : LGU, 1963. – 128 p.

5 Taubayeva, Sh. Metodologiya i metodika didakticheskogo issledovaniya : uchebnoe posobie [Methodology and methods of educational research : a tutorial] [Text] – Almaty : Kazak University, 2015. – 246 p. c.

6 Dahn, A. N. Modelirovanie kompetentnosti uchastnikov otkrytogo obrazovaniya [Modeling the competence of open education participants] [Text] – Moscow : NII shkolnyh tehnologii, 2009. – 290 p.

7 Dahn, A. N. Modelirovanie v pedagogike [Modeling in pedagogy] [Text]. In Idei i idealy. – 2010. – № 1(3). – T. 2 – P. 11-20.

8 Dahn, A. N. Pedagogicheskoe modelirovaniye : monographia [Pedagogical modeling : monograph] [Text]. – Novosibirsk : Izd-vo NIPKиPRO, 2005. – 230 p.

9 Aubakirova, S. D. Formirovaniye deontologicheskoi gotovnosti buduschihih pedagogov k rabote v usloviyah inklusivnogo obrazovaniya : dissertaciya na soiskanie stepeni doctora filosofii (PhD) po specialnosti 6D010300 – Pedagogika i psihologiya. [Formation of deontological readiness of future teachers to work in inclusive education : dissertation for the degree of doctor of philosophy (PhD) in the specialty 6D010300- Pedagogy and psychology] [Text] – Pavlodar, 2017. – 162 p.

10 Aryn, E. M., Pfeifer, N. E., Burdina, E. I. Teoreticheskie aspekty professionalnoi podgotovki pedagoga XXI veka : ucheb. posobie [Theoretical aspects of professional training of a teacher of the XXI century : textbook] [Text] – Pavlodar : PGU im. S. Toraigyrov PSU; St.Petersburg. : GAFKis im. P. F. Lesgafta, 2005. – 270 p.

С. К. Антикеева
Торайгыров университет,
Республика Казахстан, г. Павлодар.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ ЧЕРЕЗ КУРСЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

В данной статье представлена теоретическая модель формирования личностных и профессиональных компетенций социальных работников через курсы повышения квалификации, которая разработана в рамках докторской диссертации «Формирование личностных и профессиональных компетенций социальных работников через курсы повышения квалификации». В статье приводятся педагогические аспекты самого процесса моделирования, перечислены этапы педагогического моделирования. Представлены методологический, процессуальный (технологический) и инструментальный уровни модели, ее цель, мониторинг сформированности искомых компетенций, а также результат. В модели показаны компетентностный, личностно-ориентированный и практико-ориентированный педагогические подходы, закономерности, принципы, условия формирования выбранных компетенций; описаны этапы реализации процесса формирования, уровни сформированности личностных и профессиональных компетенций. В разделе практической подготовки предлагается интерактивная работа в системе слушатель-преподаватель-группа, подразумевающая личное участие каждого специалиста, а также открытие первого в нашей стране Республиканского общественного объединения «Национальный альянс профессиональных социальных работников». Данная модель подразумевает под собой дальнейшее совершенствование и самостоятельное развитие личностных и профессиональных компетенций социальных работников. Это позволяет увидеть в модели эффективность реализации курсов повышения квалификации, формы, методы и средства работы.

Ключевые слова: теоретическая модель, компетенции, повышение квалификации, социальные работники.

S. K. Antikeyeva
Toraighyrov University,
Republic of Kazakhstan, Pavlodar.

**THEORETICAL MODEL OF FORMATION COMPETENCIES
OF SOCIAL WORKERS THROUGH PROFESSIONAL DEVELOPMENT COURSES**

This article presents a theoretical model for the formation of personal and professional competencies of social workers through advanced training courses, which was developed in the framework of the doctoral dissertation «Formation of personal and professional competencies of social workers through advanced training courses». The article presents the pedagogical aspects of the modeling process itself, and lists the stages of pedagogical modeling. The methodological, procedural (technological) and instrumental levels of the model, its purpose, monitoring the formation of the required competencies, as well as the result are presented. The model shows competence-based, personality-oriented and practice-oriented pedagogical approaches, patterns, principles, conditions for the formation of selected competencies; describes the stages of the formation process, the levels of formation of personal and professional competencies. The practical training section offers interactive work in the listener-teacher-group system, which implies the personal participation of each specialist, as well as the opening of the first Republican public Association in our country, the national Alliance of professional social workers. This model implies further improvement and independent development of personal and professional competencies of social workers. This allows you to see in the model the effectiveness of the implementation of advanced training courses, forms, methods and means of work.

Keywords: theoretical model, competencies, professional development, social workers.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ АҚПАРАТ		
Қазақ тілінде	Орыс тілінде	Ағылшын тілінде
Антикеева Самал Канатовна «Педагогика және психология» мамандығы бойынша докторант Торайғыров университеті, Гуманитарлық және әлеуметтік ғылымдар факультеті, Павлодар, 140008, Қазақстан Республикасы, samal_antikeyeva@mail.ru, 8-000-000-00-00	Антикеева Самал Канатовна докторант по специальности «Педагогика и психология», Торайғыров университет, Факультет гуманитарных и социальных наук, Павлодар, 140008, Республика Казахстан, samal_antikeyeva@mail.ru, 8-000-000-00-00	Samal Kanatovna Antikeyeva doctoral student in «Pedagogy and psychology», Toraighyrov University, Faculty of Humanities and Social Sciences, Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan, samal_antikeyeva@mail.ru, 8-000-000-00-00

**ПУБЛИКАЦИОННАЯ ЭТИКА
научных журналов НАО «Торайғыров университет»
«Вестник Торайғыров университета»,
«Наука и техника Казахстана», «Краеведение»**

Редакционная коллегия научных журналов НАО «Торайғыров университет» «Вестник Торайғыров университета», «Наука и техника Казахстана» и научно-популярного журнала «Краеведение» в своей профессиональной деятельности придерживаются принципов и норм Публикационной этики научных журналов НАО «Торайғыров университет». Публикационная этика разработана в соответствии с международной публикационной этической нормой Комитета по публикационной этике (COPE), этическими принципами публикации журналов Scopus (Elsevier), Кодекса академической честности НАО «Торайғыров университет».

Публикационная этика определяет нормы, принципы и стандарты этического поведения редакторов, рецензентов и авторов, меры по выявлению конфликтов интересов, неэтичного поведения, инструкции по изъятию (ретракции), исправлению и опровержению статьи.

Все участники процесса публикации, соблюдают принципы, нормы и стандарты публикационной этики.

Качество научного журнала обеспечивается исполнением принципов участников процесса публикации: равенства всех авторов, принцип конфиденциальности, однократные публикации, авторства рукописи, принцип оригинальности, принцип подтверждения источников, принцип объективности и своевременности рецензирования.

Права и обязанности членов редакционных коллегий научных журналов НАО «Торайғыров университет» «Вестник Торайғыров университета», «Наука и техника Казахстана» и научно-популярного журнала «Краеведение» определены СО СМК 8.12.3-20 Управление научно-издательской деятельностью.

Права и обязанности рецензентов

Рецензенты научных журналов «Вестник Торайғыров университета», «Наука и техника Казахстана», научно-популярного журнала «Краеведение», обязаны руководствоваться принципом объективности.

Персональная критика в адрес автора(-ов) рукописи недопустима. Рецензент должен аргументировать свои замечания и обосновывать свое решение о принятии рукописи или о ее отклонении.

Национальность, религиозная принадлежность, политические или иные взгляды автора(-ов) не должны приниматься во внимание и учитываться в процессе рецензирования рукописи рецензентом(-ами).

Экспертная оценка, составленная рецензентом должна способствовать принятию решения редакцией о публикации и помогать автору улучшить рукопись.

Решение о принятии рукописи к публикации, возвращение работы автору на изменение или доработку, либо решение об отклонении от публикации принимается редколлегией опираясь на результаты рецензирования.

Принцип своевременности рецензирования. Рецензент обязан предоставить рецензию в срок, определенный редакцией, но не позднее 2-4 недель с момента получения рукописи на рецензирование. Если рассмотрение статьи и подготовка рецензии в назначенные сроки невозможны, то рецензент должен незамедлительно уведомить об этом научного редактора.

Рецензент, который считает, что его квалификация не соответствует либо недостаточна для принятия решения при рецензировании предоставленной рукописи должен незамедлительно сообщить об этом научному редактору и отказаться от рецензирования рукописи.

Принцип конфиденциальности со стороны рецензента. Рукопись, предоставленная рецензенту на рецензирование должна рассматриваться как конфиденциальный материал. Рецензент имеет право демонстрировать ее и/или обсуждать с другими лицами только

после получения письменного разрешения со стороны научного редактора журнала и/или автора(-ов).

Информация и идеи научной работы, полученные в ходе рецензирования и обеспечения публикационного процесса, не должны быть использованы рецензентом(-ами) для получения личной выгоды.

Принцип подтверждения источников. Рецензент должен указать научные работы, которые оказали бы влияние на исследовательские результаты рассматриваемой рукописи, но не были приведены автором(-ами). Также рецензент обязан обратить внимание научного редактора на значительное сходство или совпадение между рассматриваемой рукописью и ранее опубликованной работой, о котором ему известно.

Если у рецензента имеются достаточные основания полагать, что в рукописи содержится плагиат, некорректные заимствования, ложные и сфабрикованные материалы или результаты исследования, то он не должен допустить рукопись к публикации и проинформировать научного редактора журнала о выявленных нарушениях принципов, стандартов и норм публикационной и научной этики.

Права и обязанности авторов

Публикационная этика базируется на соблюдении принципов:

Однократность публикации. Автор(-ы) гарантируют что представленная в редакцию рукопись статьи не была представлена для рассмотрения в другие издания. Представление рукописи единовременно в нескольких журналах/изданиях неприемлемо и является грубым нарушением принципов, стандартов и норм публикационной этики.

Авторство рукописи. Лицо, которое внесло наибольший интеллектуальный вклад в подготовку рукописи (при двух и более соавторах), является автором-корреспондентом и указывается первым в списке авторов.

Для каждой статьи должен быть назначен автор для корреспонденции, который отвечает за подготовку финальной версии статьи, коммуникацию с редакцией, должен обеспечить включение всех участников исследования (при количестве авторов более одного), внесших в него достаточный вклад, в список авторов, а также получить одобрение окончательной версии рукописи от всех авторов для представления в редакцию для публикации. Все авторы, указанные в рукописи/статье, несут ответственность за содержание работы.

Принцип оригинальности. Автор(-ы) гарантирует, что результаты исследования, изложенные в рукописи, представляют собой оригинальную самостоятельную работу, и не содержат некорректных заимствований и плагиата, которые могут быть выявлены в процессе.

Авторы несут ответственность за публикацию статей с признаками неэтичного поведения, плагиата, самоплагиата, самоцитирования, фальсификации, фабрикации, искажения данных, ложного авторства, дублирования, конфликта интересов и обмана.

Принцип подтверждения источников. Автор(ы) обязуется правильно указывать научные и иные источники, которые он(и) использовал(и) в ходе исследования. В случае использования каких-либо частей чужих работ и/или заимствования утверждений другого автора(-ов) в рукописи должны быть указаны библиографические ссылки с указанием автора(-ов) первоисточника. Информация, полученная из сомнительных источников не должна использоваться при оформлении рукописи.

В случае, если у рецензентов, научного редактора, члена(-ов) редакции журнала возникают сомнения подлинности и достоверности результатов исследования, автор(-ы) должны предоставить дополнительные материалы для подтверждения результатов или фактов, приводимых в рукописи.

Исправление ошибок в процессе публикации. В случае выявления ошибок и неточностей в работе на любой стадии публикационного процесса авторы обязуются в срочном порядке сообщить об этом научному редактору и оказать помочь в устранении или исправлении ошибки для публикации на сайте журнала соответствующей коррекции (Erratum или Corrigendum) с комментариями. В случае обнаружения грубых ошибок, которые невозможно исправить, автор(-ы) должен(-ны) отозвать рукопись/статью.

Принцип соблюдения публикационной этики. Авторы обязаны соблюдать этические нормы, связанные с критикой или замечаниями в отношении исследований, а также в отношении взаимодействия с редакцией по поводу рецензирования и публикации. Несоблюдение этических принципов авторами расценивается как грубое нарушение этики публикаций и дает основание для снятия рукописи с рецензирования и/или публикации.

Конфликт интересов

Конфликт интересов, по определению Комитета по публикационной этике (COPE), это конфликтные ситуации, в которых авторы, рецензенты или члены редакции имеют неявные интересы, способные повлиять на их суждения касательно публикуемого материала. Конфликт интересов появляется, когда имеются финансовые, личные или профессиональные условия, которые могут повлиять на научное суждение рецензента и членов редакции, и, как результат, на решение редакции относительно публикации рукописи.

Главный редактор, член редакции и рецензенты должны оповестить о потенциальном конфликте интересов, который может как-то повлиять на решение редакционной коллегии. Члены редакции должны отказаться от рассмотрения рукописи, если они состоят в каких-либо конкурентных отношениях, связанных с результатами исследования автора(-ов) рукописи, либо если существует иной конфликт интересов.

При подаче рукописи на рассмотрение в журнал, автор(-ы) заявляет о том, что в содержании рукописи указаны все источники финансирования исследования; также указывают, какие имеются коммерческие, финансовые, личные или профессиональные факторы, которые могли бы создать конфликт интересов в отношении поданной на рассмотрение рукописи. Автор(ы), в письме при наличии конфликта интересов, могут указать ученых, которые, по их мнению, не смогут объективно оценить их рукопись.

Рецензент не должен рассматривать рукописи, которые могут послужить причинами конфликта интересов, происходящего из конкуренции, сотрудничества или других отношений с кем-либо из авторов, имеющих отношение к рукописи.

В случае наличия конфликта интересов с содержанием рукописи, ответственный секретарь должен известить об этом главного редактора, после чего рукопись передается другому рецензенту.

Существование конфликта интересов между участниками в процессе рассмотрения и рецензирования не значит, что рукопись будет отклонена.

Всем заинтересованным лицам необходимо, по мере возможности избегать возникновения конфликта интересов в любых вариациях на всех этапах публикации. В случае возникновения какого-либо конфликта интересов тот, кто обнаружил этот конфликт, должен немедленно оповестить об этом редакцию. То же самое касается любых других нарушений принципов, стандартов и норм публикационной и научной этики.

Неэтичное поведение

Неэтичным поведением считаются действия авторов, редакторов или издателя, в случае самостоятельного предоставления рецензии на собственные статьи, в случае договорного и ложного рецензирования, в условиях обращения к агентским услугам для публикации результатов научного исследования, лжеавторства, фальсификации и фабрикации результатов исследования, публикация недостоверных псевдо-научных текстов, передачи рукописи статей в другие издания без разрешения авторов, передачи материалов авторов третьим лицам, условия когда нарушены авторские права и принципы конфиденциальности редакционных процессов, в случае манипуляции с цитированием, плагиатом.

Теруге 25.11.2025 ж. жіберілді. Басуға 30.12.2025 ж. қол қойылды.
Пішімі 197x420/2. Кітап-журнал қағазы.
Шартты баспа табағы 3,9. Таралымы 300 дана.
Бағасы келісім бойынша.
Компьютерде беттеген: З. Ж. Шокубаева
Корректоры: Д. А. Кожас
Тапсырыс № 4505

Сдано в набор 25.11.2025 г. Подписано в печать 30.11.2025 г.
Формат 197x420/2. Бумага книжно-журнальная.
Усл.печ.л. 3,9. Тираж 300 экз. Цена договорная.
Компьютерная верстка: З. Ж. Шокубаева
Корректор: Д. А. Кожас
Заказ № 4505

«Toraighyrov University» баспасынан басылып шығарылған
Торайғыров университеті
140008, Павлодар қ., Ломов к., 64, 137 каб.

«Toraighyrov University» баспасы
Торайғыров университеті
140008, Павлодар қ., Ломов к., 64, 137 каб.
+7 (7182) 67-36-69
e-mail: kereku@tou.edu.kz
<https://vestnik.tou.edu.kz>